

АЛЕКС ЛЕЙК

ИСЧЕЗНУВШАЯ
ДОЧЬ

Annotation

Джулия Краун – самая обычная жительница Лондона: у нее хорошая работа в адвокатской конторе, скучный супруг Брайан и чудесная пятилетняя дочурка Анна, которая посещает одну из лучших школ в городе. Непредвиденная задержка на работе, разрядившийся мобильник – и Джулия в красках представляет, как будет вынуждена смущенно бормотать оправдания, словно провинившаяся школьница. Но вместо Анны и ее хмурой учительницы на пороге школы Джулию встречает взволнованный секретарь директора и заявляет, что ее дочь исчезла...

Впервые на русском языке!

Алекс Лейк

Исчезнувшая дочь

Alex Lake

AFTER ANNA

Copyright © Alex Lake, 2015. This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC.

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*

Иллюстрация на обороте титула *Михаила Петрова*

Все вышло куда проще, чем можно было ожидать. Девочка повелась. Озираясь, она вышла из школы. Одна. Родители не удосужились забрать дочку. Ай-яй-яй, кто ж так делает? Какая безответственность – оставить пятилетнее дитя на произвол судьбы. Просто ужас!

Зато нам повезло.

А вот ей – нет. И кому точно не повезло, так это ее несчастным, вскорости таким убитым горем, «ах-куда-мы-только-смотрели» – родителям. Зато нам повезло.

Никто ничего не заметил. На сто процентов. Ведь мы были очень внимательны. Наблюдая за всеми этими людьми, слонявшимися у школьных ворот в ожидании избалованных отпрысков, чтобы засыпать их своими тупыми вопросами.

Как прошел день? Чему ты сегодня научился? Моя маленькая принцесса хорошо себя вела? Надеюсь, ты был на высоте?

Так и растят поколение слабых, изнеженных деток, уверенных, что мир вертится вокруг них. Что все и вся будет подстраиваться под их капризы, позволяя им получать желаемое без борьбы. Гниль, исподволь проникшая во все уголки жизни общества, которой никто даже не пытается дать отпор.

Ну, за исключением нас, конечно. Пусть наш вклад и скромнен, но мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы остановить напасть.

И начнем с этой маленькой девочки.

Теперь она – наша. Отныне и вовеки. Нам нравится обладать. А вот делиться не нравится. Чем делиться, лучше вообще уничтожить. Может, и не самая достойная черта, но от нее не избавиться. Это совершенно бессмысленно. Так было всегда.

И ею мы тоже делиться не будем. Она – наша. Только села в машину – и пропала без следа.

Все прошло просто прекрасно. Как, собственно, и ожидалось.

Признаем, это было даже приятно.

Чего уж там, мы даже мысленно похлопали себя по плечу.

Всего лишь везение? Возможно. Удача, она еще никому не мешала. И мы – отнюдь не исключение, по крайней мере в этом смысле. Зато во всех других смыслах мы совершенно не такие, как они. Мы – лучше. Дальновиднее. Решительнее.

Так что удача тут, может, и ни при чем. Ну, разумеется, нет. Если разобраться – просто грамотный расчет. Да-да, именно. Ну, и сноровка, конечно. Кто смел, тот и съел. Это мы, мы сами все сделали. А удача тут ни при чем.

Но почивать на лаврах мы не будем. Ни в коем случае. Это всегда ведет к провалу. Самодовольство – верный путь к поражению. Поэтому не будем пока трогать девочку, не станем забегать вперед, просто на всякий случай.

Сейчас она спит, такая темноволосая, маленькая и красивая. Спит на заднем сиденье машины. Под кайфом, надежно укрытая от посторонних глаз до тех пор, пока не наступит время использовать ее с необходимой нам целью. С той целью, которая настоятельно требовала, чтобы мы ее взяли. Жалко, конечно, что бедняжка оказалась во все это втянутой и что ей придется заплатить за содеянное другими. Несправедливо, но, как известно, мир вообще несправедлив. Жизнь – несправедлива. Это нам тоже известно. Справедливость тут вообще не при делах. Думает ли волк, пожирающий ягненка, о справедливости? Или об

оскорблении невинности? Нет, волку есть дело только до его голода. Нет ни справедливости, ни несправедливости. Волк просто берет то, что ему нужно, и эта нужда – его единственное оправдание. Хорошо, плохо, справедливо, несправедливо – эти отвлеченные понятия ничего не значат в волчьем мире.

И в нашем, кстати, тоже. Есть только слабые и сильные, лузеры и победители. Все завывания насчет морали – лишь средство, с помощью которого слабые пытаются помешать сильным. Мы не можем позволить им повлиять на наши действия.

И не позволяем. Никогда не позволяли. И не позволим.

Справедливости не существует.

Она – сказка для слабаков.

Для лузеров.

Трогаясь с места, мы разрешаем себе скупой улыбнуться. Помимо всего прочего, это дельце обещает быть забавным.

Похоже, она опаздывала. Опять.

Джулия Краун бросила взгляд на часы, висящие на стене конференц-зала. Типичные швейцарские железнодорожные часы с массивными стрелками. Она случайно узнала, что это не имитация, часы были аутентичными. Они прекрасно подходили к овальному столу для переговоров и мягким кожаным креслам. В этом конференц-зале все было самым лучшим. Клиентов подобные вещи обнадёживали.

Два сорок пополудни. Встреча по вопросу опеки над ребенком должна была уже завершиться, однако все пошло вкривь и вкось, в основном потому, что ее клиентка, муниципальный советник Кэрол Проуз, действовала неблагоприятно. Что, разумеется, было объяснимо, поскольку та обнаружила своего мужа Джорди – поэта и преподавателя английского на полставки – в постели с одной из его бывших учениц. Объяснимо-то объяснимо, но легче от этого не становилось.

Джулия нервно постукивала ногой по ножке стола. Она должна была забрать пятилетнюю дочь Анну из школы, и опаздание исключалось. В три тридцать им следовало заехать к одной женщине за щенком кокер-спаниеля. Одним прекрасным утром та проснулась от жалобных визгов. Спустившись вниз, счастливица обнаружила, что ее собака, всю последнюю неделю выказывавшая странную вялость, с пулеметной скоростью производит на свет щенков.

Женщина работала медсестрой, и сегодня у нее была вечерняя смена. Но она согласилась подождать до полчетвертого, не дольше. Джулия с Анной уже убили кучу времени, покупая для щеночка всякие красивые штучки, выбирая место, где будет его постелька, и придумывая ему имя. Анна предложила назвать собачку Беллой, что Джулия совершенно одобрила. Они запаслись собачьими лакомствами и спланировали, куда будут водить щенка на прогулку. Джулии вовсе не улыбалось столкнуться со слезами, которые непременно последуют, когда дочка узнает, что сегодня щеночка не будет.

Кроме того, Джулии самой позарез нужен был этот щенок. Ему надлежало стать необходимым источником любви и радости. В скором времени ей предстояло начать войну из-за опеки, и если это выльется в то, с чем теперь столкнулась Кэрол Проуз, Анне обязательно нужна будет отдушина.

Нет, Джулия не застукала Брайана в постели с ученицей, оно и к счастью, – тот преподавал в начальной школе. Ни с ученицей, ни с кем-либо еще, если уж на то пошло. А если бы и застукала, ей, вероятно, было бы наплевать. Именно в этом-то и заключалась проблема. В принципе, Брайан ей нравился. Она считала его хорошим мужем и хорошим отцом... ну, ладно – нормальным мужем и нормальным отцом. Просто он ее не вдохновлял. Даже хуже: он ее несколько не волновал. Сделался чем-то вроде шапочно знакомого коллеги, который тебе безразличен. Скажем, услышав о каких-то проблемах у такого – *«Представляешь, Брайан разводится!»* – ты можешь даже подумать: *«Вот бедняга»*, но на самом деле тебе будет все равно. Что-то в этом роде она и чувствовала по отношению к мужу.

Его просто больше не существовало в ее жизни.

Конечно, так было не всегда. Их фото, сделанное во время медового месяца, долго стояло на ее рабочем столе: она и Брайан на белом песчаном пляже греческого острова Милос. Они только-только поужинали рыбой, зажаренной на гриле, а позади горело закатное солнце. Джулия тогда попросила официанта, по совместительству рыбака и владельца пляжного ресторанчика, их сфотографировать.

Потом они стояли, держась за руки и глядя на море.

– Это – рай, – произнесла она. – Просто восхитительно. Мир – вообще волшебное место.

– Ты не обкурилась, часом? – захохотал Брайан. – Как тогда, когда мы под кайфом любовались звездами?

– Но это же правда, – запротестовала Джулия. – Мы – в раю. Шатаемся по колена в воде, и еще целых две недели нам не о чем беспокоиться. И сейчас наша единственная забота – это вернуться в комнату... – Она чмокнула Брайана в щеку, скользнув взглядом по его мускулистым рукам и плоскому животу, легко пробежала пальцами по волосам, покрытым солью. – А там посмотрим, может быть, найдем способ с пользой потратить еще несколько часов нашего медового месяца.

Им было так просто друг с другом, таким близким, таким взаимосвязанным. Но все это закончилось. Их дорожки где-то разошлись, и каждый из них отправился на поиски чего-то своего в этой жизни. Вовремя не заметили, внимания не обратили, что начали отдаляться друг от друга, а потом стало слишком поздно. Задним числом Джулии казалось, что это произошло примерно тогда, когда родилась Анна. Дочь была их единственным ребенком, и, судя по тому, с каким трудом она им досталась, других детей им не светило. Анна заслуживала другого отца. Такого, который выдумывает забавные истории, отправляется на поиски сокровищ, рисует с дочкой волшебные картинки и изобретает забавные игры. Который всеми силами подпитывает своей энергией ее удивление и трепет перед миром.

Брайан, разумеется, любил дочь. Более того, он обожал ее. Но ему ни разу в жизни не пришло в голову устроить что-нибудь эдакое: разбить лагерь на острове посреди озера или на морском берегу, сходить в театр. Он не строил в саду полосу препятствий, не ставил с Анной кукольных спектаклей, не устраивал соревнований по прыжкам на батуте или олимпийских игр Краунов. Вместо этого он покупал бесконечные розовенькие наборы «Лего» и диснеевских кукол, таких же, как у всех прочих девочек. Его устраивало, что Анна попала в те же тесные пригородные тенета, которые опутали его самого. Для их дочери все это давно стало обыкновенным. Да и для Джулии, если уж на то пошло. Она хотела большего и для себя, и для Анны. Того, что Брайан дать им не мог.

По существу, он оказался скучноватым, хотя Джулия никогда ему этого не говорила.

Точнее – никогда не собиралась говорить, однако, когда месяц назад она завела разговор об их совместном будущем, вернее, о перспективах этого самого будущего, Брайан принял ее слова в штыки. Они крупно повздорили, и Джулия высказала много такого, о чем впоследствии пожалела. Но слово – не воробей, и теперь приходилось расхлебывать последствия.

– Ты, как бы это сказать... Ну, немного... – Джулия подумала про себя «занудный», но вовремя подобрала выражение помягче. – Немного пресный.

Попытка подсластить пилюлю не сработала. Брайан выпятил подбородок.

– Пресный? – повторил он. – То есть занудный, что ли?

Два бокала белого подогрели ее раздражение, и Джулия не нашла ничего лучше, как кивнуть.

Она тогда высказала все, что поначалу и не собиралась. Например, что не желает, чтобы ее жизнь прошла впустую, в скуке и тоске. Или что ей надоело делать одно и то же каждый уик-энд, ездить в отпуск в одни и те же места, ходить в одни и те же рестораны. Что ей хочется большего, хочется необычных приключений, романтики, ярких красок.

– У тебя просто чертов кризис среднего возраста, – отрезал Брайан. – А мне казалось, это я должен был ужаснуться тому, что жизнь проходит мимо, спустить все наши накопления на спортивный автомобиль и начать таскаться по шпюхам.

Вот тогда-то она и ляпнула то, о чем сильно пожалела впоследствии.

– Лучше бы ты так и сделал, – заявила она. – Мужчина, в душе которого продолжают кипеть страсти, мне был бы, по крайней мере, интересен. Ты же уже окончательно созрел для шлепанцев и трубки.

– Что? – переспросил он, багровея. – Что ты сказала?

– Что ты созрел для шлепанцев и трубки, – повторила Джулия, удивляясь, что его задело именно это. Но все тут же встало на свои места.

– Нет-нет, – отмахнулся Брайан. – К черту трубки и шлепанцы. Ты сказала, что мужчина, в душе которого кипят страсти, был бы тебе интересен. Значит, я тебя больше не интересую?

Джулия сознавала, что ей не следовало так говорить. Но слова уже вырвались, и они означали ровно то, что она чувствовала. Поэтому она вновь кивнула.

– Можешь сколько угодно считать меня занудным, – продолжал Брайан, – скучным или чего ты еще там набралась в своем «Фейсбуке». Можешь думать, что тебе требуется некий душевный подъем. Положим. Однако я не могу принять того, что больше тебе неинтересен. Речь даже не об уважении или, боже сохрани, любви, а об интересе. Если так, между нами все действительно кончено.

И Джулия согласилась. Сказала, что он выразился абсолютно точно. И что отлично ее понял.

С тех пор они почти не разговаривали. Она продолжала спать в их спальне, Брайан перебрался в комнату для гостей. В тех редких случаях, когда разговоров было не избежать, они старательно обходили тему своего совместного будущего. А десять дней назад Джулия объявила ему, что все решила. Что она хочет развестись.

Того же хотела и Кэрол Проуз. Проблема была в том, что она также хотела, чтобы ее муж мог встречаться с их девятилетним сыном лишь под надзором. Требование было нелепым и смахивало на месть, так что рассчитывать на его исполнение не приходилось.

Когда Джулия сообщила об этом условии Джорди Проузу, тот только покачал головой с седеющими висками и рассмеялся.

– Еще чего захотела, – небрежно бросил он. – И речи быть не может. Для подобного нет никаких оснований.

Последовала долгая пауза.

– Мой адвокат считает иначе, – произнесла Кэрол, глядя на Джулию.

Ее адвокат как раз иначе не считала, но советница Проуз вряд ли бы оценила, озвучь Джулия свое мнение. Она вновь покосилась на часы. Без десяти три. Пора было закругляться.

– Принимая во внимание возраст девушек, с которыми вы вступали в связь, я полагаю, основания утверждать, что вам не следует доверять ребенка, имеются. С моральной точки зрения.

Адвокат Джорди, старинная приятельница Джулии, Марси Лион, в свою очередь, покачала головой.

– Не пройдет, – сказала Марси. – И ты сама это знаешь.

– Моей бывшей просто обидно, – усмехнулся Джорди. – Вот и сыпет пустыми угрозами.

Кэрол выпрямилась в своем кресле. Все это Джулия видела уже не раз, дальше будет только хуже. Именно так и разыгрываются кровавые битвы за опеку. Обе стороны вступают в переговоры с благими намерениями достичь мирного соглашения, а заканчивается все безобразной сварой, которая сметает остатки человеческих отношений. Однако дожидаться развязки она уже не могла. Джулия не сводила глаз с часов.

– Думаю, – начала она, – мы достигли всего, чего собирались сегодня достичь. Наверное, нам с мисс Лион стоит встретиться вдвоем на этой недельке и хорошенько все обсудить.

– Ага, – пожал плечами Джорди. – Не забудьте обсудить, насколько глупо ее требование, – он кивнул на жену.

– Уверена, нам будет о чем поговорить, – улыбнулась Джулия. – Ну что? Хватит на сегодня?

Ей пора было бежать. Джулия уже смирилась, что за щенком не успеть – до школы было двадцать пять минут езды да еще полчаса до дома той медсестры. Однако теперь ребром встала куда более насущная проблема: срочно позвонить в школу, предупредить, что опаздывает, и попросить присмотреть за Анной. Она поднялась, прекрасно отдавая себе отчет, что подгоняет этим остальных. Марси удивленно уставилась в спину уходящей Джулии, Джорди же вовсе не смотрел ни на Джулию, ни на ее клиентку.

– И как вам это нравится? – скривилась Кэрол, выходя следом. – Он до ужаса самонадеян.

Джулия знала, что той хочется поговорить, и обычно она оказывала ей требуемую моральную поддержку, но сейчас это было решительно не ко времени. Поэтому она только кивнула.

– Простите, но мне пора. Сегодня моя очередь забирать дочь из школы.

Прозвучало довольно жалко, что ее напрягло. Она-то собиралась стать как примерным профессионалом, сосредоточенным на карьере, что означало всецело быть в распоряжении клиентов, так и примерной матерью, что означало всецело быть в распоряжении дочери. Соблюсти оба условия одновременно было невозможно, но Джулия продолжала уповать.

В коридоре она достала из сумочки телефон, нажала кнопку.

Экран остался черным. Сотовый разрядился.

Джулия чертыхнулась. Порылась в сумочке, нащупывая зарядное устройство. И, разумеется, его не обнаружила. Зарядка осталась в машине. Можно было сбежать в офис и позвонить оттуда, но он находился в другом крыле здания. Куда быстрее было спуститься к машине и подключить там телефон к зарядке.

Джулия заторопилась по длинному коридору. Она не сомневалась, что все будет хорошо, но ей не нравилось опаздывать в школу за дочерью.

Отъехав немного, Джулия постучала ногтем по логотипу на экране сотового, понимая, что это не ускорит таинственные процессы, происходящие во включающемся аппаратуре.

Точно так же, ожидая лифт, она, бывало, еще раз нажимала кнопку вызова, если ей казалось, что лифт едет слишком медленно. А порой нажимала и не раз.

«Быстрее все равно не загрузится», – мог бы заметить какой-нибудь многомудрый скептик, на что она бы лишь слегка улыбнулась: «Как знать?»

«Ну же! – молила Джулия. – Давай, давай!»

Прошное ее опоздание привело к неприятному разговору с миссис Джеймисон, отставной учительницей, сидевшей с детьми, чьи родители не возникли вовремя у ворот школы. Наверняка то же самое ожидало Джулию и сегодня. Строгий и огорченный взгляд, затем – вежливое замечание о нарушении школьных правил.

– Миссис Краун, я понимаю, вы очень заняты, но разрешите напомнить, что без предварительной договоренности школа не в состоянии обеспечить присмотр за ребенком во внеурочное время. Если вам требуется подобное содействие, школа, разумеется, пойдет вам навстречу, однако вы должны заранее известить администрацию, чтобы мы успели принять необходимые меры.

– Прошу меня извинить, – начнет бормотать Джулия, чувствуя, как сама стремительно превращается в школьницу, получающую нагоняй от старшего преподавателя за курение или слишком короткую юбку. – Понимаете, встреча с клиентами затянулась, а когда я хотела позвонить, оказалось, что сотовый разрядился. Благодарю вас, миссис Джеймисон, вы опять меня выручили. Даже не знаю, что бы я без вас делала.

Затем она уйдет, отчего-то чувствуя себя никудышной матерью, тогда как Анна, с которой, как всегда, все в порядке, уже будет беззаботно болтать на заднем сиденье. Расскажет, как прошел ее день, спросит, что у них на обед и не почитает ли она ей перед сном «Семейство Твит». Тогда Джулия успокоится, встряхнет головой и подумает: «Я – хорошая мать, просто слегка занятая».

И скоро занятий у нее прибавится. После развода с Брайаном придется самой встречать дочь практически каждый день, и еще неизвестно, как она это потянет. Сейчас ее выручает Эдна, мать Брайана, забирая Анну по понедельникам и средам. По пятницам заехать после работы в школу успевают сам Брайан. На долю Джулии остается два дня, когда ей надо умудриться запихнуть все дела на утро, а навестывать по вечерам через электронную почту. И то, частенько опаздывая за дочерью, Джулия звонила Эдне и просила себя подменить. Она звонила и сегодня, но свекрови дома не оказалось. Джулия оставила ей сообщение, которое Эдна гордо проигнорировала. Потом, черт бы их всех побрал, она носилась как угорелая с одной встречи на другую и как дура забыла зарядить телефон. С сегодняшнего дня надо зарубить на носу: вторник и четверг – телефон на зарядку!

И во все другие дни – тоже, если уж на то пошло. Джулия очень сомневалась, что после развода получится обращаться к Эдне. За любезностью свекрови скрывался самый настоящий деспот, и Джулии всегда давали понять, что от нее не в восторге.

Ну, что будет, то будет. Как бы дело ни повернулось, Джулия справится. Это – необходимая цена за то, чтобы жить как ей хочется.

Наконец, сотовый загрузился и пикнул. Джулия нашла телефон школы, нажала на вызов. Включился автоответчик.

– Это Джулия Краун, – произнесла она. – Я тут немного задержалась, но буду на месте где-то в... – она покосилась на приборную панель, – в двадцать минут четвертого. Просто хотела дать вам знать, что вот-вот подъеду.

Десять минут спустя она уже была перед школой. Едва свернула к воротам, как телефон

завонил. Джулия выдернула провод зарядки и открыла дверцу.

– Слушаю.

– Миссис Краун? – произнес голос. – Это Карен из Вествудской школы.

– Ой, здравствуйте, – затараторила Джулия, – я уже здесь, только что приехала.

– Миссис Краун, – продолжала женщина как-то неуверенно, – Анна с вами?

– Нет. Я как раз собираюсь ее забрать. Я ведь оставляла вам сообщение.

– Так я и думала, – пробормотала Карен. – Миссис Краун, похоже, у нас тут недоразумение.

«Недоразумение». Это было не то слово, которое она хотела бы услышать в разговоре о своей пятилетней дочери.

Джулия остановилась, уставившись на чугунные ворота. Обе створки украшал школьный герб: буквы «ВШ», а над ними – сова, сжимающая в лапах свиток.

– Что вы имеете в виду? – забеспокоилась Джулия. – Какое еще недоразумение?

– Дело в том, что Анны нет в школе, – ответила Карен официальным и в то же время немного обиженным тоном. – Мы были уверены, что она уехала с вами.

3

Джулия нажала на отбой. Отворила ворота, подбежала к зданию школы, распахнула настежь облезлую зеленую дверь и рванула по коридору к кабинетам администрации. Карен, школьная секретарша, высокая и тощая, с тугими черными кудряшками над побледневшим лицом, уже стояла в дверях.

– Миссис Краун, – произнесла она, – я уверена, все будет в порядке. Наверняка за девочкой заехал ваш муж.

Нервный, бегающий взгляд контрастировал со спокойной уверенностью ее тона. У Джулии засосало под ложечкой, желудок сжался. Вдруг сильно затошнило.

– Я сейчас проверю, – пробормотала она, набирая номер мужа.

– Слушаю, – неприятно отозвался голос Брайана. – Чего тебе?

– Брайан, – Джулия облизнула пересохшие губы, – Анна с тобой?

– Разумеется, нет. Я еще на работе. Сегодня же твоя очередь ее забирать.

– Знаю. – Она помедлила, подбирая слова. – Просто ее здесь нет.

Последовало долгое молчание.

– Что значит «ее здесь нет»? – В его жестком тоне прорезались тревожные нотки. – А где же она?

– Не знаю, – ответила Джулия, подавив желание добавить саркастическое «естественно». – Случайно, твоя мать не могла забрать ее?

Тут Джулия почувствовала облегчение. Ну конечно! Вот и разгадка. Эдна ошиблась и забрала Анну не в свой день. Отпустило почти осязаемо, словно кинуло в жар после глотка крепкого алкоголя.

– Нет, мама ее не забирала, – ответил Брайан. – Она сейчас дома. Около часа назад звонила узнать, где находится запорный вентиль. Похоже, на кухне кран потек.

Надежда погасла. Во рту у Джулии вновь стало сухо, как в пустыне, она с трудом сглотнула.

– Тогда я не имею понятия, куда делась Анна.

Это были слова, которые никому и никогда не пожелаешь произнести мужу, если речь идет о пятилетней дочери. Местонахождение пятилеток должно быть точно известно в любое время суток. Как то: с кем-то из родителей, в школе, в гостях у одноклассника, у родственников (число коих ограничено), что в случае Анны может означать – у Эдны или изредка у Саймона, брата Брайана, когда тот с женой Лаурой приезжает из Портленда в Орегоне. Их семейный круг был весьма невелик.

– То есть ты не знаешь, где она? – переспросил Брайан, сквозь гнев в его голосе проступила паника. – Лучше бы тебе это знать.

– Согласна.

– Уже почти полчетвертого! Почему ты звонишь только теперь?

– Я немного задержалась, – ответила она. – И только что приехала. Я полагала, что учителя... Что она в школе.

– А ты их предупредила, что опаздываешь?

– Нет, я... У меня сотовый сел. Я думала... – Джулия затихла.

– О боже, – произнес Брайан. – Она может быть где угодно. За полчаса она могла уйти очень далеко. Могла заблудиться... – Брайан замолчал. – Я сейчас приеду, а ты начинай поиски. Обыщите все окрестности школы.

– Хорошо. – Голова у оцепеневшей Джулии решительно отказывалась соображать. – Мы будем искать, – она взглянула на Карен, та закивала.

– Я попрошу уборщиков нам помочь, – сказала секретарша. – И вот что, Джулия... Только не волнуйтесь. Мы обязательно ее найдем. Наверняка забрела в чей-нибудь палисадник или загляделась на журналы в газетном киоске, короче, что-нибудь в этом роде.

Джулия кивнула, совершенно не успокоенная. Слова прозвучали бессмысленным шумом.

– Брайан, – сказала она, – мне пора идти на поиски.

– Да, и еще! – откликнулся тот. – Позвони в полицию. – Он запнулся. – Хотя нет. Лучше я сам. А вы начинайте искать.

И отключился. Рука Джулии бессильно упала. Телефон, выскользнув из обмякших пальцев, стукнулся о пол.

– О боже, – произнесла она. – Боже, боже.

Глава 2

Первые часы

1

Эти часы – решающие.

Если кто-нибудь нас заметил, полиция быстро узнает. Сначала они прочешут окрестности, затем – проедут до дома девочки, чтобы убедиться, что та не отправилась домой пешком. Не обнаружив ее, примутся обзванивать родителей и учителей, бывших в школе в три часа пополудни, расспрашивать их обо всем, что они видели. После чего будут допрашивать родственников. Они всегда первым делом присматриваются к родственникам, рассчитывая что-нибудь накопать.

Потом просмотрят записи телекамер. Но нас на них не будет. Все, что они увидят, – это девочку, внезапно исчезающую из кадра. Девочку, канувшую в Лету.

Разумеется, всегда существует вероятность напороться на камеру, которую мы не заметили. Несмотря на всю нашу внимательность, такая опасность есть.

В таком случае, как и в случае, если нас кто-нибудь приметил у школы, полиция узнает об этом и совсем скоро постучится в нашу дверь.

Но и тогда все окончится хорошо. Мы отлично подготовились. Первые часы девочка проведет в гараже у соседей, уехавших на две недели в Аликанте и оставивших нам ключи от дома. Ведь, кроме нас, «некому присмотреть за домом, а то мало ли что может случиться».

И что-то уже случилось, но не совсем то, что они воображали.

Мы заехали к ним гараж, выгрузили девочку, а потом отогнали машину подальше. Никто ничего не заметил. Ведь и замечать-то и некому. Тут нет чужих глаз. Шпионящих за нами глаз. И это нам очень нравится: мы тут невидимы для мира, а следовательно – можем жить так, как хотим, и никто нам не указ. Особенно теперь, когда у нас появилась девочка, да и вообще.

Девочка – в гараже. Спит в огромном кукольном домике, который сосед соорудил для своих детей. Для своих шумных, вечно орущих детей, которые уже выросли из этой игрушки. А вот для нашей девочки домик в самый раз, она может свободно там помещаться: ножки – рядом с маленьким столиком, головка – на мешке с песком, предназначенным для песочницы. Той самой песочницы, в которой возятся два горластых, избалованных ребенка, мешая нашему послеобеденному отдыху.

Девочка спокойно пробудет там до полуночи. Тогда мы заберем ее оттуда и перенесем в ее новый дом.

Новый дом девочки на какое-то время.

Мы ведь не планируем, что она у нас задержится.

2

Джулия выскочила, настезь распахнув зеленую школьную дверь. Ворота все еще стояли открытыми. Предполагается, что они всегда крепко заперты. Ведь так полагается. Проблема

в том, что «полагается» и «есть на самом деле» зачастую не одно и то же. Ей, например, полагалось вовремя приехать и забрать дочь, а толку-то.

Джулия представила школьный двор после уроков. Дети, одетые в форму, выбегают из дверей, самые маленькие – несутся прямо к родителям, ждущим за воротами; те, кто постарше, – отправляются на игровую площадку, чтобы напоследок повеселиться перед тем, как идти домой ужинать и ложиться спать. На заднем плане маячат учителя, наблюдающие, чтобы все шло как надо. И все, разумеется, так и идет. Каждый ребенок – на счету и либо сдан с рук на руки тому, кому полагается за ним прибыть, либо задержан в храме знаний, если взрослые опаздывают. Никто не выскользнет незамеченным, только не в этой маленькой платной частной школе. Родители могут быть совершенно уверены, что их дети присмотрены и не будут оставлены на произвол судьбы. Вероятность обратного – пренебрежимо мала.

Но полностью не исключена.

Джулия представила маленькую темноволосую девочку в новых черных лакированных туфельках и с розовым рюкзачком, на котором изображена Дора из мультика «В поисках приключений». Вот она выбегает за ворота вместе с другими детьми, озирается в поисках матери и морщит лобик, никого не обнаружив. Затем идет вдоль по улице, вероятно решив, что просто не заметила черный «Фольксваген Гольф» своей мамы. Тут на ее плечико ложится чья-то рука. Крупная мужская рука, с толстыми пальцами и поросшим темной шерстью запястьем... Джулия моргнула, отгоняя кошмарное виденье. Она должна немедленно успокоиться, по крайней мере настолько, чтобы быть в состоянии искать дочь.

– С ней все в порядке, – сказала она себе. – Анна в порядке. Наверняка ждет поблизости.

Но лучше ей не стало. Где-то за грудиной угнездился холодный комок страха, такой большой и твердый, что стало трудно дышать. У Джулии закружилась голова.

Надо действовать! Она должна что-то делать. Чем быстрее, тем лучше. Джулия кинулась к чугунным воротам. Начинать нужно там, снаружи. Если Анна до сих пор прячется в школе или на школьном дворе, тогда все хорошо. Дочка преспокойно подождет, когда ее обнаружат. Однако если она вышла наружу... В этом случае Анну надо разыскать как можно скорее. Там ее поджидают быстрые машины, злобные собаки и люди, у которых может быть свой, особенный интерес к пятилетней девочке. Возможно, а точнее – наверняка, интерес совершенно предосудительный.

– Анна! – нерешительно закричала Джулия. – Анна, где ты?

В ответ, словно эхо, из школы послышались крики людей: Карен начала свои поиски.

– Анна! – вновь закричала она. – Это я, твоя мамочка! Где ты, солнышко?

Джулия остановилась за воротами и задумалась. Куда теперь, налево или направо? Налево, к центру городка, или направо, к агломерату стандартных пригородных застроек, окруженных чахлой растительностью? Однотипных коробок с наглухо закрытыми дверями и разными потайными уголками, где днем, когда все обитатели в школе или на работе, почти никого не встретишь? Коробок, где можно легко спрятать маленькую девочку. Налево или направо? Обычно ты принимаешь это решение, не задумываясь. Если ошибешься, всегда можно вернуться и начать заново. Но только не сейчас. Теперь это решение сделалось очень, очень важным. На сей раз речь идет не о «туда» или «сюда». Речь идет о том, пойдет ли она к Анне или прочь от нее.

«Ну, решайся же! – прикрикнула на себя Джулия. – Стоять тут столбом – это хуже всего».

Она свернула налево, к центру. Брела, кидаясь в разные стороны, подбегала к прохожим, заглядывала в газетные киоски по пути, потом решила заглянуть в открывшуюся недавно старомодную кондитерскую, где торговали конфетами на развес по четверти или по полфунта из стеклянных банок, выставленных на прилавке. «Деревенская лавочка сладостей» – так назывался магазинчик, Анна его обожала.

Узкое, трехполосное шоссе, ведущее в городок, вильнуло налево и пошло под уклон. Дома вдоль него были старыми, солидными, полускрытыми за кронами деревьев и высокими стенами из песчаника. С одной стороны, это было неплохо – в такие усадьбы Анне не попасть, а с другой – если она каким-то образом туда все же угодила, ее невозможно увидеть снаружи.

Все мысли Джулии теперь вертелись вокруг этой проблемы. Она смотрела на невинные сады, а видела лишь угрозу для своей дочери. Весь мир предстал словно в кривом зеркале. У Джулии голова пошла кругом.

– Анна! – закричала она так громко, что сама удивилась силе своих легких.

Давненько же ей не приходилось так дико орать. Когда они с Брайаном ругались, она старалась говорить негромко.

– Анна! Здесь твоя мамочка! Отзовись, если ты меня слышишь! Я приду и заберу тебя!

Но никто не отзывался. Лишь где-то в отдалении лаяла собака («А вдруг она сейчас облаивает мою дочь?»), кто-то где-то завел машину («Куда они там едут, хотела бы я знать?»), да еще откуда-то нелепо завывала какая-то попса.

Цокая каблуками по мостовой, Джулия побежала с холма.

– Анна! Анна!

Сбоку, из зарослей рододендрона послышался какой-то шорох. Джулия резко остановилась, раздвинула ветки. Там было прохладно и пахло землей.

– Анна! Ты тут?

В кустах снова зашуршало. Джулия полезла в глубь зарослей, сердце колотилось.

– Анна! – еще раз позвала она.

Раздался новый шорох, и из кустов выскочил дрозд. Птица посмотрела на Джулию, вспорхнула и исчезла в ветвях платана.

Джулия разогнулась. Налево, к крытому крыльцу, уходила дорожка. В дверном проеме стоял седоволосый мужчина лет шестидесяти с тростью в руке и смотрел на Джулию.

– У вас все в порядке? – поинтересовался он. – Я услышал ваши крики.

– Я звала дочь, – ответила Джулия. – Никак не могу ее найти.

– Ничего себе, – нахмурился мужчина. – А какая она из себя?

– Ей пять лет. Темноволосая, с розовым рюкзачком и в школьной форме.

– В форме? Из школы Вествуда?

– Да, – кивнула Джулия. – Вы ее видели?

– Нет. Хотите, помогу вам искать? – он приподнял свою трость. – Правда, с ходьбой у меня не очень, но я могу поколесить по окрестным улицам и посмотреть.

Джулия недоверчиво взглянула на мужчину. Что, если Анна сейчас у него? И теперь он просто старается отвести от себя подозрения? Но она одернула себя: человек просто пытается помочь. Ей сейчас подойдет любая помощь. Почему бы и нет? Она всегда сможет рассказать о нем в полиции, если уж на то пошло.

– Это было бы здорово, – ответила Джулия. – Наверное, мне тоже стоило бы взять машину.

– Не думаю. Пешком вы сможете осмотреть все более тщательно. Я же отправлюсь на машине. Моя жена уже дома, она поедет на второй. А как зовут девочку? На случай, если я ее встречу?

– Анна. Если увидите ее, сразу позвоните в полицию и побудьте с ней.

– Хорошо. Удачи вам.

– Спасибо.

Джулия полезла назад, поморщившись, когда острая ветка царапнула голень. Выбравшись на дорогу, она двинулась дальше.

По пути исследовала каждую живую изгородь, каждый забор и припаркованную машину, но ей казалось, что она плохо ищет. Джулия не доверяла собственным глазам, боялась, что стóит ей отвернуться, как за ее спиной промелькнет Анна. В итоге она осматривала все по два-три раза, прежде чем решиться идти дальше. В глубине души она понимала, как это глупо и нерационально, но не могла себя пересилить. Ставка была слишком высока. Последствия ненахождения дочери (которая наверняка пряталась где-то рядом) могли быть столь ужасны, что Джулия не имела права на ошибку. Не имела права не заметить ее у себя под носом.

Джулия читала, что когда полицейские ищут пропавших, они выстраиваются в линию и прочесывают поле, вересковую пустошь или пустырь, никогда не позволяя участвовать в поисках родственникам, то есть тем, кому не все равно. И это правильно: если вы беспокоитесь о пропавшем человеке, ваши розыскные способности будут хромать на обе ноги. Желание найти хоть что-нибудь окажется столь велико, что вы не сможете сохранять хладнокровие и требуемую беспристрастность.

Правда это или нет, хладнокровия и беспристрастности Джулии определенно не доставало. Вместо этого нарастала паника. Паника грозила захлестнуть ее с головой и повергнуть наземь. Ей требовались огромные усилия, чтобы не упасть на колени, закрыв лицо руками, и не начать молиться.

– О господи, – бормотала она. – Господи, господи...

В какой-то момент паника одолела ее совершенно. Джулия застыла, бессмысленно вытянула шею, глаза бегали туда-сюда.

– Анна! Анна!!! – завизжала она и бросилась вперед.

И тут ей представилась дочь, сидящая на высоком табурете у окна в «Деревенской лавочке сладостей» с зажатым в кулачке лакричным леденцом и уже почерневшими от лакрицы губами. Конечно же, Анна там, теперь Джулия была в этом полностью уверена. Именно туда бы дочка и отправилась, больше ей идти было просто некуда, она ведь нигде не бывала. Когда тебе пять лет, твой мир ограничен домом, садом, школой, домами нескольких подружек и еще парой-тройкой мест, где ты бываешь с родителями. Одним из таких мест для Анны являлась «Деревенская лавочка сладостей».

Они несколько раз заезжали туда после школы. Джулия старалась не покупать Анне шоколадки, мороженое, чипсы и другую вредную еду. Однако то, чем торговали в этой кондитерской, ей почему-то казалось другим, более здоровым, что ли. Посещение лавочки было скорее приключением, чем банальным походом в магазин: поболтать с хозяйкой, обсудить варианты – «капли»-дюшес, мятные полосатые или кубики со вкусом колы, – потом неторопливо подсчитать цену. Особенная традиция, возвращавшая Джулию в детство, когда она, получив карманные деньги, отправлялась воскресным утром вместе с отцом в газетный киоск, где сама выбирала себе конфеты. Джулию согревала мысль, что между ее

детством и детством дочери есть что-то общее.

Поэтому пару раз в месяц они отправлялись в эту кондитерскую. Оставляли машину на парковке у школьных ворот, спускались вниз с холма и шли покупать конфеты. Это было практически единственным местом, куда они ходили после школы, единственным, которое Анна знала. И ей оно очень нравилось.

Джулия совершенно убедила себя в том, что Анна была там. Она бежала туда, собираясь заключить свою дочь в объятия, защитить от всего мира и никогда больше не выпускать.

Звякнул колокольчик над дверью. Джулия прошла внутрь, дико озираясь.

– Добрый день, – поздоровалась хозяйка, вышедшая на пенсию почтальонша по имени Селия. – Чем могу помочь?

– Моя дочка к вам не заходила? – спросила Джулия.

Хозяйка помедлила секунду, очевидно вспоминая посетительницу.

– Ее зовут Анна, верно? Такая темноволосая девчушка? Обожает шоколадных мышей.

– Да-да. Так она здесь была?

– Нет, – покачала головой Селия. – По-моему, она еще мала, чтобы приходить сюда одной.

– Ее точно у вас не было?

– Я сижу здесь целый день. Покупателей сегодня кот наплакал, так что вряд ли бы я ее пропустила, особенно если девочка приходила одна. – Селия подалась вперед. – У вас неприятности?

Джулия сквозь витрину с разложенными длинными леденцами и шоколадными зайцами поглядела на улицу. Значит, Анны здесь не было, она где-то там.

Где-то там.

Паника вновь схватила ее за горло. Джулия повернулась к Селии, колени подогнулись.

– Я ее потеряла, – прошептала она. – Я потеряла свою дочь.

Время от времени это происходит со всеми. Когда – в супермаркете, когда – в библиотеке или в парке. Вы вдруг оглядываетесь вокруг и не видите вашего ребенка.

– Билли! – окликаете вы, потом еще раз, уже громче: – Билли!

Билли отзывается и ковыляет вам навстречу, сжимая в пухлых ручонках пакет муки, книжку с картинками или червяка. А если не отзывается, вас охватывает ужас, прошибает холодный пот, к горлу подступает комок. Вы принимаетесь дико вертеть головой, срываетесь с места и бежите до конца пассажа, в отдел детских книг или к воротам, где и обнаруживаете малыша Билли, целого и невредимого.

Вы клянетесь себе, что никогда и ни за что не упустите его из виду ни на секунду, поскольку для беды вполне достаточно и секунды.

И ее действительно достаточно. Секунда – и ребенок выскочил из-за припаркованного автомобиля прямо под колеса. Секунда – и чужие руки затолкали его в фургон. Даже если он просто повернул не за тот угол и заблудился, вы десять минут будете рвать на себе волосы, пока его не найдете, хотя, разумеется, подобная ситуация – лучшая из всех возможных.

Вы можете обнаружить своего ребенка беззаботно болтающим с каким-то милым незнакомцем, или играющим с новыми приятелями, или просто стоящим, раскрыв рот, глядя

на невиданный доселе мир.

И тогда вы в очередной раз побожитесь, что больше никогда не упустите его из виду, ведь за прошедшие десять минут чего только не передумали. И что он упал в речку, или сбит машиной, или похищен.

Последнее беспокоит вас больше всего. Детей похищают. Похищают прямо с улиц, улучив удобный момент. И такие дети исчезают навсегда. Мертвые они, живые – уже без разницы. Вы никогда не увидите их вновь, хотя будете искать всю жизнь. Искать – и проклинать себя.

Но пока вы прокручиваете в голове всевозможные ужасы, тихий, спокойный внутренний голос говорит вам, что не надо нервничать, все закончится хорошо, так же как заканчивалось.

Вот только это не верно. По крайней мере, не всегда верно.

И, что самое скверное, вам это прекрасно известно.

Джулия покинула кондитерскую. Посмотрела налево, затем направо. Опять либо налево, в городок, или направо, к школе. Она побежала налево вниз по холму. Если в школе что-то узнают, они ей позвонят. Сейчас, по крайней мере, телефон у нее заряжен.

Навстречу ей попалась коротко стриженная женщина ее возраста с дорогой сумкой. Безотчетно Джулия уставилась незнакомке в глаза.

Как и большинство англичанок ее поколения и социального слоя, она патологически избегала прилюдных «сцен» или того, чтобы кому-нибудь докучать. Просить чужих об одолжении (денег, позвонить или помочь со сменой колеса) для нее было то же самое, что без приглашения влезть в чью-нибудь кухню, открыть холодильник и начать делать себе сэндвич.

Однако сейчас ей было не до церемоний.

– Извините, – выпалила Джулия. – Я ищу дочь. Может, вы видели темноволосую девочку пяти лет в школьной форме и с розовым рюкзачком?

– К сожалению, нет, – ответила встречная, и на ее лице отразилась тревога и жалость, несколько смутив Джулию. – А как давно она пропала?

– Только что. Минут двадцать назад, может, чуточку больше.

– О, кары небесные! – нахмурилась женщина. – Двадцать минут – это немало.

– Правда, – ответила Джулия. – Но если вы вдруг ее увидите...

– Конечно-конечно, я вам помогу, – женщина махнула рукой в сторону парковки. – Сейчас проверю автостоянку и сбегаю в библиотеку, у них на заднем дворе есть игровая площадка. Вдруг ваша девочка там?

– Спасибо, – поблагодарила Джулия. – Мою дочь зовут Анной, – добавила она и поспешила дальше.

Справа был паб, слева – почта. С тех пор как Джулия была здесь последний раз, все совершенно изменилось. Тогда это были скучные, неинтересные места, часть городской инфраструктуры, обеспечивающая коммунальные услуги. Теперь же эти заведения представлялись Джулии опасными ловушками, куда могла угодить дочь.

Она просунула голову в дверь почтового отделения. У единственного открытого окошка стояла очередь из четырех человек.

– Извините, – начала Джулия, стараясь не показать одышки. – Я тут кое-кого ищу. Свою дочь, Анну. Никто ее не видел?

– А какая она из себя? – поинтересовался мужчина в заляпанном краской комбинезоне.

Джулия, уже до ужаса привычно, описала Анну: темные волосы, рюкзак, школьная форма. Такое описание подходило множеству пятилеток, однако было одно существенное отличие.

– Она могла быть одна, – выдавила Джулия.

После сочувственной паузы, – Джулия уже возненавидела эти паузы, – люди забормотали, отрицательно качая головами: нет, девочки здесь не было, никто ее не видел.

Тогда она перебежала через дорогу к пабу «Черный медведь». Внутри – полумрак, грязные окна, и до сих пор пованивало табачным дымом, хотя курить в пабе было запрещено. И всего трое посетителей: несовершеннолетняя парочка, притаившаяся в углу, и мужчина у стойки. За стойкой, у пивных насосов, стояла женщина. Джулия подошла к ней.

– Извините, – сказала она. – Я разыскиваю дочь, ей пять лет.

– Тогда она немного маловата для этого местечка, милочка, – ответила та. Похоже, ей было около пятидесяти, но выглядела она старше. Руки – в татуировках, лицо – морщинистое, при этом барменша носила лифчик «пуш-ап».

– Ну, я подумала, вдруг она случайно к вам забрела, – пояснила Джулия. – Я ее потеряла.

Мужчина у барной стойки взглянул на нее поверх газеты, его нос и щеки покрыты были сеточкой лопнувших сосудов.

– Не видал такой, – промычал он и похлопал ладонью по табурету рядом с собой. – Но я могу купить тебе выпивку, красотуля.

Барменша, она же, возможно, и хозяйка заведения, осуждающе покачала головой, но смолчала, вероятно не желая ругаться с постоянным клиентом. Не могла себе этого позволить. Паб был убогим, дела, очевидно, шли неважно.

– Ничем не могу тебе помочь, милочка, – сказала она. – Не видала я твою девочку.

Кивком поблагодарив ее, Джулия вышла, с облегчением вдохнула свежий воздух. Дальше находилась пекарня, специализирующаяся на кустарном хлебопечении с использованием местных молочных продуктов, при которой имелся кафетерий.

– Извините, я ищу маленькую девочку, свою дочь.

Человек за прилавком удивленно приподнял бровь. У него были темные кудрявые волосы, карие глаза и крупные, перепачканные мукой руки.

– Как она выглядит? – спросил он с шотландским акцентом.

Джулия сказала. Пекарь покачал головой, перегнулся через прилавок и крикнул, обращаясь к посетителям кафетерия:

– Ребята, эта женщина ищет свою дочурку. Никто не видал тут малышку?

Никто не ответил, но одна пожилая дама встала из-за столика.

– Я помогу вам искать, – просто сказала она.

К ней присоединились остальные. Посетители кафетерия высыпали на улицу, поделились на группы и разошлись в разные стороны.

Джулия осмотрелась, прикидывая, куда бы еще заглянуть. В нижней части городка протекала река, теряясь в рощице. Там, в небольшой ложине, муниципалитет когда-то поставил скамейки. Непонятно зачем, место было сырое, мрачное, желающих посидеть на них не наблюдалось. По крайней мере – днем. Но валявшиеся вокруг банки из-под пива и окурки свидетельствовали, что по вечерам здесь более многолюдно. Видимо, скамейки, прятавшиеся в стороне от оживленных улиц, приглянулись подросткам, а быстрая речка придавала их посиделкам романтический флер.

Джулия пересекла дорогу и подошла к парапету. Она не рассчитывала увидеть там Анну, и ее там действительно не было. Тем не менее Джулия перегнулась через ограждение и внимательно посмотрела вниз. Русло искусственно сузили, и река, перед тем как нырнуть в туннель под дорогой, резко ускорила. К правой туфле Джулии прилип влажный, шелестящий пакет. Резким движением она отбросила его. Подхваченный ветерком, тот свалился в воду и уплыл прочь.

«То же могло случиться и с Анной, – мелькнула ужасная мысль, но Джулия волевым усилием прогнала ее. – Она бы сюда не пришла, просто не сумела бы. Дочь сама никогда бы так далеко не забралась. Побоялась бы. Значит, она где-то недалеко от школы».

Она вновь направилась к дороге. Едва ступила на тротуар, как в сумочке запищал телефон. Звонил Брайан.

– Ты где? Нашла Анну?

– Я в городе. Не нашла. А ты где?

– Только что приехал в школу. Полиция уже прибыла.

– Анна там? Они ее нашли?

– Нет, пока не нашли.

– Брайан, что мне делать? Продолжать поиски в городе?

– Не знаю, – после тяжелой паузы произнес он. – Нам надо поговорить. Я сейчас приеду за тобой.

Джулия продолжала стоять на тротуаре. Он был вымощен булыжником, и сквозь тонкие подошвы туфель она чувствовала твердые выступы камней. Это было последним, что осталось твердым в окружающем мире, все остальное – магазины, машины, люди – казалось Джулии зыбким, туманным, иллюзорным.

– Анна! – закричала она. – Анна!

Скорее вопль отчаяния, чем зов, на который ждешь ответа. Джулия заметила, что плачет, лишь почувствовав слезы на щеках.

Телефон опять запищал. Номер был незнаком.

– Миссис Краун? – спросил женский голос. – Это Джо Скотт. Где вы бродите, хотела бы я знать?

Несколько секунд Джулия не могла сообразить, кто эта женщина, но затем вспомнила. Хозяйка собаки. Медсестра, у которой они так и не забрали Беллу, щенка для дочки.

– Ох, простите, пожалуйста. У нас тут неприятности. Могу я вам перезвонить попозже?

Последовала пауза. Джулия прямо кожей почувствовала раздражение собеседницы.

– Ну хорошо, – наконец произнесла та. – Перезвоните, когда хотите. А сейчас я должна уходить на работу, так что за щенком вам придется приехать в другой раз.

Как только они разъединились, рядом притормозила машина Брайана.

– Привет, – бросил он. – Садись. Полицейские в школе хотят с тобой поговорить.

Они подъехали к школьному двору, вышли из машины. Пока шли к входной двери, Джулия прикоснулась к руке Брайана. Целая вечность прошла с тех пор, как они вот так прикасались друг к другу. Это было иначе, чем их обычное формальное рукопожатие или что-то в том же роде. Джулия даже удивилась, сразу почувствовав себя уверенней, и поняла,

что ей катастрофически не хватает человеческого тепла.

Она сжала его пальцы. Скривившись, Брайан взглянул на нее и отдернул руку.

– Брайан, – произнесла Джулия. – Ну, пожалуйста...

– Сейчас не время, – ответил он. – Там тебя полиция ждет.

Навстречу им уже спешила директриса, миссис Джейкобсен, в сопровождении полицейского. Тот кивком поприветствовал Джулию. Вид у него был возбужденный и деловитый. Другой полицейский в конце коридора разговаривал с женщиной в джинсах и свитере.

– Миссис Краун, – сказал мужчина Джулии. – Я – констебль Дэвис. Нам сообщили, что ваша дочь пропала.

Присутствие сыщиков, с одной стороны, успокаивало, но вместе с тем – напрягало. Раз уж дело дошло до полиции, значит, дело принимает серьезный оборот. Ноги у Джулии обмякли.

– Да, пропала, – ответила она. – Не знаю, куда она могла деться. Помогите мне ее найти, пожалуйста.

– Разумеется, миссис Краун, – кивнул констебль, – мы ее отыщем. Наверняка девочка где-нибудь поблизости. Обычно именно так и случается. Группа учителей сейчас обыскивает окрестности школы. А вы, насколько я понял, были в городе?

– Да. Анна... Понимаете, там есть одна кондитерская, которая ей очень нравится, мы несколько раз заезжали туда после уроков. Вот я и ходила проверить.

– Это единственная причина, по которой вы решили, что девочка могла туда убежать? – спросил Дэвис. – Она уже поступала подобным образом? Уходила одна из дома или с занятий?

– Нет, никогда, – ответила Джулия. – Она знает, что так делать нельзя.

Констебль вновь покивал.

– А домой вы не заезжали? Детвора, пропавшая после уроков, частенько просто-напросто отправляется домой.

– Вряд ли. Мы живем в трех милях отсюда. Она и дороги-то не знает.

– Может, и так, но случается, детям приходит в голову, что они уже достаточно выросли, чтобы делать то, чего мы от них не ожидаем. Нам нужно будет съездить к вам домой.

– Не нужно, – твердо отрезала Джулия. Она знала свою дочь и ни на секунду не могла допустить, что та вприпрыжку побежала домой. – Я не хочу попусту терять время.

– Миссис Краун, нам необходимо проверить все места, где может быть ваша дочь. Я прекрасно понимаю ваше беспокойство, но в поисках нам следует придерживаться системы. Вы не дадите нам адрес?

– Конечно-конечно, – ответил Брайан и продиктовал адрес полицейскому.

– Спасибо, – поблагодарил констебль. – Мы тотчас же пошлем туда машину.

– А что-нибудь еще вы делать собираетесь? – спросила Джулия. – Анна могла попасть в беду, пораниться.

– Сделаем все, что в наших силах, миссис Краун, – спокойно сказал Дэвис. – Но действовать будем последовательно, шаг за шагом.

Джулия тяжело уставилась ему в переносицу. Констебль ей определенно не нравился. Эдакий дюжий служака, думавший о поисках Анны как о формальной процедуре, которую надо произвести шаг за шагом, тогда как ее пятилетняя дочь, ее единственное дитя, потерялась уже около сорока минут назад.

Сорок минут. Да, вероятно, она самостоятельно отправилась домой или заигралась на детской площадке в парке. А если нет? Вдруг ее похитили? За сорок минут ее могли увести на сорок миль.

– А нам что делать? – спросила Джулия. – Мы не можем как-нибудь помочь?

– Поспрашивайте вокруг, – посоветовал Дэвис. – Свяжитесь с теми, кто может что-либо знать. С матерями ее подружек, соседями. Кто-нибудь из них мог ее встретить и подобрать. Подумайте, куда еще она могла отправиться? Кто еще когда-нибудь ее подвозил? Ваши родственники, к примеру?

– Только моя свекровь, по понедельникам и средам, – ответила Джулия.

– Не могла ли она по ошибке забрать девочку сегодня?

– Нет, – ответил Брайан. – Я разговаривал с матерью около двух часов пополудни. Она была дома. Там у нее потоп на кухне.

– Больше никто? – выспрашивал Дэвис.

– Никто, – сказала Джулия. – Только я, Брайан и Эдна. Анна прекрасно знает, что нельзя уходить с чужими.

– А что, если кто-нибудь из родителей ее одноклассников увидел девочку одну на улице и забрал домой? Вам никто не звонил?

– Не думаю, – Джулия быстро проверила сотовый. – Пропущенных звонков нет.

– И тем не менее это возможно, – продолжал констебль. – Как вы думаете, кто бы мог так поступить?

Джулия опустила взгляд. Ее туфли были поцарапаны после поисков в кустах.

– Может быть, Джемма, мать Донны Свифт. Или Шейла Паркс.

– Вы не могли бы сейчас позвонить им и спросить?

Джулия кивнула и нашла номер Джеммы Свифт. Та ответила после второго гудка.

– Приветик, Джулия, – сказала Джемма. – Ну, как делишки?

Джулия помедлила, надеясь, что Джемма сейчас объявит, что Анна у нее и что ничего такого, просто она встретила ее одну-одинешеньку на улице и забрала, собиралась сразу позвонить, но девочкам захотелось перекусить, а потом еще надо было накормить пса, ну, ты сама понимаешь, забот – полон рот, вот и закрутилась немного.

– Ты еще здесь, Джулия? – спросила Джемма.

– Здесь. Слушай, ты, случайно, не видела сегодня Анну после школы?

– Не видела. А что?

– Да я опоздала, а когда приехала, ее уже тут не было.

– Что значит «не было»?

– Не было в школе. И я теперь не могу ее найти.

– О господи!

Ужас, прозвучавший в голосе Джеммы, показался Джулии ударом под дых. Внезапно на нее навалился весь кошмар произошедшего, и перехватило дыхание.

«Все это происходит на самом деле, – подумала она. – Это не дурной сон».

– Джул, я могу как-то тебе помочь? – спросила Джемма.

– Вряд ли. Тут уже приехала полиция.

– Все равно я спрашиваю народ. Чем больше людей будет знать, тем лучше.

Внезапно Джулии опостылел этот разговор, опостылело все, что он предвещал.

– Мне надо идти, – сказала она. – Спасибо, Джемма.

– А другой не хотите позвонить? – встрял неугомонный констебль. – И вообще лучше

позвоните всем, кого только вспомните. Я пока вызову подкрепление.

Джулия кивнула. Миссис Джейкобсен показала на свой кабинет.

– Можете позвонить оттуда. Там вам никто не помешает.

Через пятнадцать минут дверь в директорскую открылась, и вошел констебль Дэвис. На его губах была фальшивая улыбочка человека, принесшего дурные вести, но надеющегося убедить вас, что все под контролем.

– Мы проехали до вашего дома, Анны не нашли, – сказал он и помолчал. – У нас есть предположение, что все не так просто.

Джулия вцепилась в руку Брайана. На этот раз он ее не отдернул.

– Что это значит? – произнесла она. – Где Анна? Где моя дочь?

– Сейчас сюда приедет моя коллега, – ответил констебль, переминаясь с ноги на ногу. – Она располагает большей информацией, чем я.

5

Двадцать минут спустя в кабинет вошла женщина в темном костюме. Примерно под сорок, с уверенным выражением лица, которое приобретает годами, беря под контроль различные ситуации. «Не тревожьтесь, – так и читалось в ее глазах. – Я уже здесь, и скоро все будет в норме».

– Миссис Краун? – произнесла она. – Я – инспектор уголовной полиции Уинн.

У инспектора уголовной полиции были короткие светлые волосы, жестко очерченные, не улыбочивые губы и цепкий, внимательный взгляд голубых глаз. Притом женщина выглядела усталой: припухшие веки и темные круги под глазами говорили о том, что она не высыпается. А может, о том, что инспектор не прочь пропустить стаканчик. Или о том и другом сразу.

Держалась Уинн с профессиональным спокойствием, но Джулии показалось, что инспектор приняла их беду уж очень близко к сердцу. Впрочем, это было несущественно. В конце концов, Джулия хотела, чтобы эта полицейская воспринимала поиски Анны как самую важную задачу в своей жизни.

Инспектор посмотрела на Джулию, потом на Брайана и опять на Джулию. Выражение ее лица немного смягчилось.

– Мистер и миссис Краун, я знаю, вы сейчас взволнованны, даже больше чем взволнованны, я и сама мать. Тем не менее, прошу вас успокоиться. В подавляющем большинстве случаев мы быстро находим ребенка, и все заканчивается благополучно. Верьте мне, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы ее найти.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Джулия, отнюдь не успокоенная этими словами. – Что теперь?

– Не могли бы вы подробно рассказать мне, как это произошло? Шаг за шагом, если возможно. Со всеми деталями, которые только припомните.

– Не так уж много я могу рассказать, – ответила Джулия. – Я приехала в школу в половине четвертого...

– Она опоздала, – вставил Брайан. – Уроки заканчиваются в три.

– Да, я опоздала, – признала Джулия. – Но была уверена, она находится в школе!

– Все в порядке, миссис Краун. Сейчас – только факты, будьте любезны. В школе знали,

что вы опаздываете?

– Нет! Я застряла на сложной встрече с клиентами, мой сотовый разрядился, и я не смогла вовремя позвонить.

– На встрече с клиентами? – переспросила Уинн.

– Я – адвокат. В основном занимаюсь делами об опеке.

– Понятно. Что же, работа хлопотная. Итак, когда вы приехали в школу, Анны здесь уже не было?

Джулия рассказала, как ходила в центр городка проверить «Деревенскую лавочку сластей», как обращалась за помощью к различным людям и бродила там, пока за ней не приехал Брайан. Когда она умолкла, инспектор Уинн кивнула и задумчиво прикусила губу. Затем повернулась к директрисе.

– Миссис Джейкобсен, мне потребуется список всех родителей и детей, которые были сегодня в школе, а также фамилии ваших сотрудников, включая отсутствовавших.

– Хорошо, – ответила миссис Джейкобсен. – наших детей забирают не только родители, но у нас есть список всех, кому это разрешено. Я вам передам.

– Школа оборудована системой видеонаблюдения?

Губы миссис Джейкобсен сложились в куриную гузку.

– Да, оборудована. Хотя я предпочла бы пропаганду гражданских свобод, ведь мы хотим выпускать в жизнь ответственных членов общества, всегда поступающих правильно потому, что это правильно, а не по причине наличия видеонаблюдения. Но под давлением панических настроений, распространившихся в обществе, мы вынуждены были установить видеокамеры.

– Что же, теперь вам имеет смысл порадоваться, что вы это все-таки сделали, – заметила Уинн. – Может быть, удастся обнаружить что-нибудь полезное. Проследите, чтобы полицейским предоставили допуск к видеозаписям.

– Разумеется. Сейчас же распоряджусь.

– У меня к вам один вопрос, миссис Джейкобсен, – произнес Брайан, чье лицо постепенно приобрело багровый оттенок. – Что, черт побери, здесь произошло? Я думал, учителя не выпускают детей за ворота, пока не убедятся, что их родители приехали.

Точно так же думала и Джулия. В школе были весьма строгие правила: забирать детей могли только родители или назначенные опекуны, причем на школьный двор взрослых не допускали. Сотрудники школы провожали учеников за ворота и передавали их с рук на руки. Если родители опаздывали, они обязаны были позвонить и предупредить, в таком случае детей оставляли в помещении школы. Но даже если звонка не поступало, как вышло сегодня с Джулией, то и тогда с ребенком все должно было быть в порядке: постояв с учителем за воротами, он отправлялся ждать обратно в школу.

Однако на сей раз что-то пошло не так.

– Я говорила с нашими учителями, – ответила миссис Джейкобсен. – Они были уверены, что миссис Краун на месте. Никто не подозревал, что вас там нет. Ведь вы нас не предупредили, что вас не будет.

– А ее там не было, представляете? – заорал Брайан. – Считается, что вы присматриваете за моей дочерью, ведь именно за это мы и платим вам бешеные деньги!

– Мистер Краун, – проскрипела директриса, – мы досконально выполняем взятые на себя обязательства, и я уверена, что записи камер наблюдения это подтвердят. Мы делаем все возможное, чтобы гарантировать безопасность...

– Значит, этого недостаточно! – продолжал бушевать Брайан.

– Наши правила прошли независимую экспертизу и признаны соответствующими законодательству. Разумеется, я готова обсудить с вами и миссис Краун все возникшие у вас вопросы, но полагаю, сейчас не время для дискуссий.

– Отлично. Значит, мы обсудим это позже, – сказала Джулия, покосившись на инспектора Уинн. – А теперь нам всем следует сосредоточиться на поисках Анны.

– Вот именно, – заметила Уинн. – Как только вы дадите мне видеозаписи и список персонала, мы начнем. – Она повернулась к Джулии и Брайану. – Кроме того, мне потребуется недавнее фото Анны, чтобы распространить по полицейским участкам и передать на пограничный контроль.

– Даже так? – пробурчал Брайан. – Думаете, ее могут вывезти за границу?

– Я бы не спешила с выводами, – сказала Уинн, – но лучше предпринять любые меры предосторожности.

– Господи, – проговорил Брайан и прикрыл глаза рукой. – Этого не может быть. Просто не может. И вот опять... Не могу поверить, что это снова со мной происходит.

6

Инспектор Уинн впилась глазами в Брайана.

– Снова? – резко переспросила она, ее спокойствие испарилось. – У вас уже пропадали дети?

– Нет, – замотал головой Брайан. – Не дети, мой отец. Он ушел из дома, когда мне едва исполнилось двадцать. Ушел и не вернулся. Не оставил ни записки, ничего. Просто взял и ушел.

– И с тех пор вы не получали от него никаких известий? – спросила Уинн.

– Никаких, – Брайан, не поднимая взгляда, ковырял заусеницу у ногтя указательного пальца левой руки. – Ни единого словечка. Или рождественской открытки, на худой конец.

– И до сих пор вы не знаете, где он? Так просто взял и исчез? – продолжала допытываться Уинн.

– Ну да, – Брайан пожал плечами. – Это случилось во время школьных каникул. Папа был директором школы, собирался уже на пенсию. Все было так: сегодня он дома, а завтра его больше нет.

– То есть вы не знаете, почему он ушел? Или куда мог пойти?

– Нет. Никаких идей.

Джулия знала, что Брайан немного кривит душой. Действительно, куда делся его отец, он понятия не имел, но вот почему тот исчез – на сей счет идеи у него были. Как-то раз, заставив ее поклясться, что она ничего не расскажет Эдне, Брайан признался, что подозревал отца в связи с молодой учительницей и считал, что они бежали вместе. Он не был до конца уверен, а мать никогда с ним не заговаривала об этом, но долгие годы Брайан упорно складывал кусочки головоломки.

Однако он не знал ни того, куда уехал его отец, ни того, почему тот ни разу не подал о себе весть.

Зато у Джулии кое-какие идеи были. Нет, не о том, куда он мог поехать, а о том, почему не связывался с сыном. Она считала, что это была цена, заплаченная за свободу. Джим завел

интрижку на стороне, и Эдна предъявила ему ультиматум. Она позволила ему по-тихому исчезнуть из ее жизни и начать все заново со своей подружкой, чтобы избежать скандала. Взамен же потребовала держаться подальше от нее с Брайаном.

Если бы он остался, Эдна превратила бы его жизнь в кошмар. Судя по всему, она это умеет.

Поэтому он пропал. Уехал куда-нибудь на испанское побережье или в Швейцарские Альпы, где и проводит свои дни в походах, чтении романов или катании на лыжах, пока его молодая любовница, не особенно афишируя себя, преподает язык в какой-нибудь интернациональной школе.

Это было вполне возможно, хотя наверняка Джулия не знала. Все, что ей было известно, – что эта история причинила Брайану немало страданий, и сейчас, с его точки зрения, она повторялась.

– Желательно было бы с ним связаться, – сказала инспектор. – Нам пригодится любая информация, которую вы сможете вспомнить.

– Нет у меня никакой информации, – ответил Брайан. – Ну хорошо, я спрошу мать.

– Спасибо, – поблагодарила Уинн. – Это было бы замечательно.

Джулия подумала, что от Эдны та мало чего добьется, как бы ни пыталась.

– Ладно, – произнес Брайан, – нечего ворон считать. Я иду искать свою дочь.

Джулия проводила взглядом уходящего Брайана, потом сказала инспектору:

– Я тоже, пожалуй, пойду.

– Хорошо, – кивнула та. – Если что, я буду здесь. Что-нибудь обнаружите – звоните, – она черкнула свой номер и протянула бумажку Джулии.

Она раскрыла сумочку, где лежали ключи от машины, и тут запищал сотовый. Звонила ее свекровь. Джулия поднесла телефон к уху. Она не успела произнести ни слова, когда раздался резкий голос Эдны:

– Джулия, что происходит? Брайан оставил мне сообщение насчет Анны. Я ему перезвонила, но он не берет трубку.

Джулия с трудом сглотнула.

– Анна пропала. Исчезла.

– Что значит «исчезла»? – после небольшой паузы спросила Эдна. – Когда?

– После уроков. Когда я приехала за ней в школу, ее здесь не было.

– Как такое возможно? У них же есть правила. Они должны были...

– Я опоздала, – перебила свекровь Джулия. Все равно рано или поздно та об этом узнает, так что лучше сразу прояснить ситуацию. – Задержалась на...

– Если родители опаздывают, школа обязана присмотреть за ребенком.

– Я им не позвонила. У меня сотовый...

– Ты не позвонила? Джулия, да что на тебя нашло?

– Говорю же, у меня сотовый...

– Теперь все это не имеет значения. Нет времени трепать языком, надо действовать. Я сейчас дома, но немедленно приеду. Буду максимум через двадцать минут.

Инспектор Уинн внимательно смотрела на Джулию.

– Кто это?

– Свекровь. Она собирается приехать помочь.

– Могу я с ней побеседовать?

Джулия передала телефон.

– Миссис Краун, – произнесла инспектор, – это инспектор Уинн.

До Джулии едва слышно, но вполне отчетливо доносился властный голос свекрови. Судя по всему, Эдна отдавала Уинн распоряжения.

– Спасибо вам за ваши советы, миссис Краун, – сказала Уинн. – Уверяю вас, у нас все под контролем. Однако вы бы очень нам помогли, если бы сейчас отправились в дом вашего сына и подождали там. Весьма вероятно, что девочка сама доберется до дома, и хорошо, если там будет ее ждать кто-то, кого она знает.

Эдна, похоже, согласилась. Уинн вернула телефон Джулии.

– Короче, я здесь, – повторила она. – Удачи вам.

Джулия вернулась в школу полтора часа спустя. Эти девяносто минут, которые показались ей девятью сотнями, если не тысячами.

Она объехала каждый закоулок, о котором смогла вспомнить. Каждый раз вылезала из машины и осматривала все, попадавшееся на пути, все канавы и изгороди, но не нашла ни следа дочери.

Достав телефон, Джулия набрала номер Брайана. Включилась голосовая почта.

– Привет, – сказала она. – Я в школе. Позвони, если... если что-нибудь обнаружишь.

Нажала отбой и уставилась в окно.

«Она сейчас где-то там, – думала Джулия. – Где-то снаружи. Я должна ее там найти».

Джулия никогда не задумывалась о конечности времени и пространства. То есть она была бы не прочь, если бы в сутках было больше часов. Ей не раз приходилось отказываться от одной вечеринки в пользу другой, поскольку никто не может находиться в двух местах одновременно. Но всерьез подобные материи ее не напрягали. Разве что доставляли некоторое неудобство. Такова уж наша вселенная, иногда она может доставить кое-какие неприятности, но жаловаться все равно некому, потому что сделать ничего нельзя.

Вот только за последние два часа эта особенность мироздания стала единственным, что имело значение. Джулия все готова была отдать, чтобы оказаться везде одновременно. Она была уверена, что только так сможет отыскать Анну.

Увы, это было невозможно. Нельзя быть в двух местах разом. Ты можешь занимать лишь единственный участок земли и объем воздуха. Но на участке, где находилась Джулия, не было Анны.

Следовательно, они могут никогда не встретиться.

Ей никак не удавалось избавиться от подобных мыслей. Они прочно засели у нее в голове, а вслед за ними подползала истерика.

«Что, если она пропала навсегда? Умерла? Продана в рабство? Заперта в подвале у маньяка? Что, если я никогда ее больше не увижу?»

Едва Джулия принималась об этом думать, эмоции захлестывали ее так сильно, что она не могла ничего делать. Взять себя в руки удавалось с большим трудом. Так, если она в этот момент пила воду, рука начинала дрожать, и содержимое стакана проливалось. Если она шла, приходилось прислоняться к стене или падать в ближайшее кресло. Если говорила, прерывалась на полуслове и судорожно прижимала руки к груди.

Хуже всего было то, что все произошло по ее вине.

Неоспоримый факт. У нее имелись только ничтожные оправдания, типа: встреча затянулась, сотовый сел. Но если не вдаваться в ненужные детали, все становилось на свои места. Окажись она перед воротами школы в двадцать пять третьего, Анна была бы теперь с

ней. Они сейчас были бы дома, и Джулия укладывала бы дочь спать или читала ей «Семейство Твит».

А не торчала бы в кабинете директора школы на пару с инспектором Уинн и чашкой кофе, глядя сквозь толстое стекло, как солнце медленно садится за горизонт. И Анна не попала бы туда, где она сейчас находится.

Дверь распахнулась, и вошли двое молоденьких полицейских.

– Вы ее нашли? – спросила Джулия, хотя по их расстроенным лицам все было понятно.

– Нет, мэм, – ответил тот, что слева. – Пока нет.

За ними, разговаривая по сотовому, в кабинет вернулась инспектор Уинн.

– О'кей, – сказала она кому-то. – Если что-нибудь произойдет, я дам вам знать, – отключилась и посмотрела на подчиненных. – Значит, ничего?

– Ничего, – подтвердил тот, что справа. – Мы осмотрели все места, куда девочка могла забрести. Все улицы, все парки. Опросили кучу народу, и взрослых, и детей, ее никто не видел.

Уинн потерла подбородок большим и указательным пальцами.

– А что другие родители, приезжавшие сегодня за детьми?

– Начали обход. К ночи большинство будет опрошено, по крайней мере те, кто согласится отвечать. Но думаю, в основном они не будут против.

– Кроме того, мы приступили к обходу домов, – добавил второй. – Интересуемся, не видел ли кто чего-нибудь. Ну, и собираем народ, чтобы начать прочесывание. Уже сделали объявление по местному радио.

«Они уже делали подобное раньше, – поняла Джулия. – О боже, они уже это делали. Все происходит наяву. И происходит именно со мной».

– Могу я тоже пойти? – быстро спросила она. – Я имею в виду, пойти с вами?

– Обходить дома? – спросил полицейский.

– Да. Если Анна где-то там, я сразу узнаю. Позову ее, и она мне ответит.

Полицейский, переминаясь с ноги на ногу, покосился на Уинн.

– Думаю, констебли Джойс и Белл справятся сами, – заметила та. – Так им будет легче.

– Но почему? – возмутилась Джулия. – Я же помочь хочу.

– Миссис Краун, вам лучше задержаться здесь, на случай если Анна вдруг найдется. Ей может потребоваться материнская забота.

– Но я бы предпочла пойти с ними.

– А я уверена, что ходить вам не стоит.

«Зачем эта женщина мне мешает? – думала Джулия. – Почему не позволяет идти искать Анну?»

– Я ее мать! – закричала она, и все напряжение последних часов выплеснулось в этом праведном гневе. – У меня есть право пойти! И я пойду, говорю вам! Что, если Анна – в одном из этих домов? Я буду ей нужна!

– Миссис Краун, вряд ли Анна там. Мы просто собираем информацию.

– А вдруг она все-таки там? Вы должны все обыскать! Все эти дома!

– Нельзя врываться в чужое жилище без ордера.

– Но почему, черт возьми? Моя дочь может быть у них, почему не посмотреть, я спрашиваю?

– Я вполне понимаю ваше отчаяние, миссис Краун, но нам не позволено заходить в частные дома без ордера. Мы ничего не можем с этим поделать. Таков закон.

– К черту закон! Если вы этого не сделаете, то сделаю я!

Джулия вскочила, больно стукнувшись коленом о столешницу. Фарфоровая чашечка так и подпрыгнула на блюдечке, расплескав горькую черную жидкость. Джулия ринулась к двери и протиснулась между констеблями в коридор. Она не знала, что собирается делать, но ведь что-то делать надо было. Невозможно просто сидеть и ждать, в то время как Анна в опасности. Бездействуя, Джулия словно расписывалась в своем бессилии, и это было совершенно непереносимо.

Позади послышался стук каблуков по кафельному полу.

– Миссис Краун! Куда вы, миссис Краун? – прозвучал голос Уинн.

– Куда угодно! – заорала в ответ Джулия. – Лишь бы прочь отсюда!

– Миссис Краун, не стоит действовать под влиянием порыва. Нам потребуется доброе расположение всех, кто живет по соседству.

Умом Джулия, конечно, понимала, что инспектор совершенно права, но ей было плевать. Доводы рассудка больше не работали, она чувствовала себя в когтях чего-то звериного, необоримого. То самое чувство, что заставляет самку кидаться на защиту детеныша: в такой миг антилопа бросается на льва, спасая своего теленка, или лосиха дерется с волками, прикрывая лосенка ценой собственной жизни.

Когда Джулия была уже в дверях, они распахнулись, и вошел Брайан. Бледный, глаза – покрасневшие. Сразу же стало ясно, что Анну он не нашел. Брайан перевел взгляд с Джулии на Уинн.

– Что у вас тут происходит? – кисло поинтересовался он, вновь поглядев на жену. – Что за крики?

– Она не позволяет мне идти искать Анну, – пожаловалась Джулия. – Я хочу сама отправиться на поиски. Стучать во все двери и, глядя людям в глаза, узнать, не видели ли они ее. Наша дочь вполне может находиться в одном из этих треклятых домов.

– Ну так идем, – сказал Брайан. – Я – с тобой.

– Пожалуйста, мистер и миссис Краун, – вмешалась Уинн, – прежде чем вы уйдете, не могли бы мы поговорить еще минутку?

– Разумеется, – повернулась к ней Джулия. – Только одну.

– Вернемся в кабинет.

– Нет, – отрицательно покачала головой Джулия, садясь на стул. – Будем говорить здесь.

– Сейчас наши сотрудники занимаются обходом домов, – сказала Уинн. – Они достаточно квалифицированы, чтобы задавать нужные вопросы, и если кто-нибудь из них заметит нечто подозрительное, они этого так не оставят. На данном этапе нам всем необходимо действовать планомерно.

– А если действительно она в одном из этих домов? – вскричала Джулия. – Как же они об этом узнают?

– Маловероятно, что девочка там, – замялась Уинн. – Буду говорить прямо. У нас имеется два варианта развития событий. Или ваша дочь заблудилась, в этом случае девочка вряд ли могла уйти далеко и ее наверняка кто-нибудь видел. Тогда сейчас она находится где-то, где мы еще не искали. Или... – инспектор замолчала и отвела глаза, но потом твердо поглядела в лица Джулии и Брайана. – Или ее увезли.

– Куда? – хрипло спросил Брайан.

– Пока мы этого не можем знать, мистер Краун. Теперь нам следует сосредоточиться на осмотре ближайших окрестностей исходя из того, что девочка где-то рядом. Замерзшая,

измученная и испуганная. Следовательно, мы должны вести поиски как можно более организованно, чтобы ничего не упустить.

– Да, она где-то там, – согласился Брайан. – Я точно знаю. Иное – просто невероятно.

– Полиция будет прочесывать окрестности всю ночь в поисках малейших следов.

Предметы одежды, отпечатки подошв, какие-то мелкие вещи...

– Я тоже буду участвовать, – заявил Брайан. – Хочу помочь. У нас есть друзья, которые охотно присоединятся.

– Прекрасно, – ответила Уинн. – Мы создали штаб при общественном центре. Походите по округе и соберите как можно больше людей.

Руки Брайана машинально сжимались и разжимались, теребя ткань слаксов на бедрах, тем самым выставляя напоказ цветастые носки. Джулия вспомнила, что их ему вкупе с парой, на которой был нарисован Гомер Симпсон, «купила» на последнее Рождество Анна. Брайан тут же нацепил носки: на левую ногу – Симпсона, на правую – цветастый, объявив Анне, что не может выбрать, какие ему больше нравятся. Дочь тогда бдительно следила, чтобы он не снимал их весь день.

Воспоминание о дочери, проверяющей, носит ли ее папа купленные ею разномастные носки, dokonало Джулию. Руки задрожали, из глаз полились слезы. Так безудержно, захлеб, она не рыдала с семнадцати лет, когда ее бросил Винсент, можно сказать, первая любовь. Как все подростки, Джулия была уверена, что он – единственный и неповторимый. Когда Винсент заявил, что между ними все кончено, Джулия проревела несколько дней. («Дело не в тебе, а во мне», – видимо, хотел сказать он, но запутался в подготовленной речи и в приступе бессознательной честности ляпнул: «Дело не во мне, а в тебе!») Ей казалось, что наступил конец света и что она никогда никого больше не полюбит. Со временем все прошло. Джулия выяснила, что, судя по всему, сможет прожить и без Винсента.

И вот впервые с тех пор на нее навалились те же чувства. Только на сей раз ей было тридцать восемь, и она была достаточно взрослой, чтобы понять: все, что происходит теперь, просто так не пройдет.

Вставая, она отодвинула стул, внезапно почувствовав себя невероятно старой.

– Пойдем, – сказала она мужу, глядя в его ничего не выражающие глаза. – Поедем домой и подготовимся.

Поиски были организованы оперативно и грамотно. Полиция знала свою работу и хладнокровно взялась за дело.

«Они уже много раз занимались подобным, – все время вертелось в голове Джулии. – Такие вещи случались и раньше, значит, все это – обыденная реальность».

Местный общественный центр представлял собой сооружение из дерева и стекла, построенное несколько лет назад на деньги, вырученные от лотереи. Он и стал штабом поисковой операции.

Явилось много добровольцев: их с Брайаном друзья, родители одноклассников дочери, просто неравнодушные люди. Кому-то позвонила Джулия, другие сами связывались с полицией, интересуясь, чем могут помочь. После чего ехали в общественный центр, где их распределяли по различным участкам.

Там и сям в темноте мелькали лучи фонариков: полицейские обшаривали переулки, стучались в дома, расспрашивали бездомных. Следопыты с собаками прочесывали парки, заросли кустарников, поля и перелески. Было решено, что, если к утру ничего не обнаружат, водолазы начнут проверять водоемы.

Искали тщательно, осматривая даже такие места, куда, по мнению Джулии, Анна сама забраться никак не могла.

А это означало, что девочка была с кем-то, и этот кто-то не желал, чтобы их обнаружили.

Брайан отправился с одним из поисковых отрядов. Джулия осталась в штабе вместе с Уинн – ждать, что вот-вот кто-то вернется с триумфальной улыбкой на устах: мол, Анну уже обнаружили, она заблудилась, замерзла, конечно, но жива и здорова. Ночь подходила к концу, однако добровольцы возвращались с единственной новостью, что никаких новостей нет, и расходились по домам, к своим теплым постелям и мыслям о несчастных родителях, оставленных за спиной. Джулия старательно благодарила их за содействие, принимая пожелания удачи, все эти бесконечные «не волнуйтесь, я уверен, вы с минуты на минуту получите вашу дочку назад».

Ведь именно Джулия была той несчастной женщиной, матерью потерявшегося ребенка, очутившись в центре бури симпатий и сопереживаний. Как же ей было не волноваться? Как было не волноваться, когда ее Анна пропала бесследно?

Около полуночи в штаб вошел Брайан и тяжело посмотрел на Уинн.

– Ничего? – спросил он.

– Пока нет, мистер Краун, – ответила инспектор. – Вам с женой лучше отправиться домой и немного отдохнуть.

– Я бы предпочла остаться, – быстро встала Джулия. – Пойду-ка сама поищу Анну.

– Послушайте, если будут какие-то новости, я сразу вам позвоню, – настаивала Уинн. – Лучшее, что вы можете сейчас сделать, – это постараться набраться сил. Завтра у нас будет ответственный день.

– Если вы не отыщете Анну до утра, – заметил Брайан.

Последовала долгая неловкая пауза, после чего Уинн качнула головой:

– Да, если мы не отыщем ее до утра. Все верно. И тем не менее отправляйтесь отдыхать.

Джулия сильно сомневалась, что им удастся уснуть, но послушно кивнула в ответ. Достала из кармана ключи от машины и вопросительно взглянула на Брайана:

– Тогда поехали, я сама поведу.

Они молча сели в машину. Говорить было не о чем. Впервые бог знает за какое время оба испытывали одни и те же эмоции. Страх. Тревогу. Ужас. Панику. Эти чувства, сменяя друг друга, вертелись в кошмарном беличьем колесе.

Джулия повернула ключ зажигания. Она почти надеялась, что мотор не заведется, сегодня все шло вкривь и вкось, почему бы и машине не сломаться? Но автомобиль привычно заурчал, оживая. До дома было рукой подать, какая-то миля, однако Джулии чудилось, что она совершает главное путешествие в своей жизни. Словно пересекала невидимый Рубикон, вступая в неизведанные земли, где все было чужим и незнакомым.

Спалось нам хорошо. В предрассветной мгле девочка была внесена внутрь, адреналин так и пульсировал в жилах, но усталость после трудного дня взяла свое, и мы почти мгновенно провалились в сон. Проснулись в шесть с несколько тяжелой головой и сварили себе крепкий кофе.

Везде только и разговоров, что о пропавшей девочке. Ее фото – в каждом выпуске новостей. Вместе с номером, по которому предлагается звонить всем, кто что-либо узнает. Полиция и добровольцы занимались ее поисками всю ночь. Местный паб обеспечил их бесплатными горячими напитками и сэндвичами. Многочисленные собаки, гавкая и скуля, обнюхали каждый кустик и дерево в городских парках и рощах.

И ничего не нашли. Потому что ничего найти не могли. Уж мы об этом позаботились.

За всю ночь девочка ни разу даже не пискнула. Что, впрочем, естественно. Она маленькая, а растолченное снотворное, подсыпанное в молочный коктейль, – мощное. Коктейль был предусмотрительно куплен в «Макдоналдсе», и мы дали его девочке, как только заполучили ее в нашу машину, – дети не в силах отказаться от сладостей. Девочка спокойно спит до сих пор. Проснувшись, она будет слаба, но это несущественно. Мы планируем держать ее на таблетках до самого конца. То есть неделю-другую, не более, после чего все эти обстоятельства утратят значение.

Зато сейчас они крайне важны. Нам надо, чтобы она крепко спала или хотя бы вела себя спокойно, когда нас не будет дома. Мы не можем здесь торчать постоянно. Нам следует быть в другом месте, по крайней мере от нас этого ждут, и наше отсутствие там будет замечено. И вызовет подозрения. Разумеется, девочку продолжат искать: хорошенькая пятилетка, пропавшая без вести, – чрезвычайное происшествие. Мы же сделаем все необходимое, чтобы не возбудить подозрений. Именно поэтому нам придется время от времени оставлять ее, а ей надлежит сидеть смирно.

А вдруг она не будет сидеть смирно? Ну, это, в общем, тоже не создаст проблем: здесь ее вряд ли кто услышит. Она надежно спрятана в недрах нашего дома, и ее вопли не могут проникнуть за его стены. Главное, чтобы она не заорала в присутствии молочника или почтальона. От доставки молока мы не отказались. Любопытно, заинтересуют ли полицию люди, внезапно отказавшиеся от услуг молочника? Может быть, может быть... Так что оставим все как есть. Именно это внимание к мелочам выделяет нас из серой массы.

Но девочке лучше вести себя тихо. Просто на всякий случай.

На всякий случай. Вот наше кредо. Мы рассчитываем все вероятности, взвешиваем риски и соответственно разрабатываем наши планы.

Именно поэтому мы сегодня спокойно спали. Потому что были уверены: бояться нам нечего. Мы не допустили ошибок и знаем, что они нас не поймают.

И еще мы знаем, что все правильно. Совесть нас не мучает. Да, девочку немного жаль, но ее страдания – необходимое зло.

Необходимое зло неотличимо от правоты и справедливости. Как вообще необходимость

может быть злом? Если это единственно возможный путь восстановления справедливости, значит, и он сам справедлив. Неужели следует отказываться от правильных поступков лишь потому, что маленькая девочка будет немножко страдать? Не явится ли этот отказ чем-то худшим, чем ее страдания? Если бы все боялись страданий, не было бы никаких великих свершений. Сколько людей умерло на строительстве знаменитых соборов? Или мостов? Железных дорог? Погибло в войнах за правое дело? Какое значение имела их смерть? Стала ли смерть каждого из них – трагедией? Да, конечно. Но стоит ли сожалеть о них? Нет, не стоит. Без этих смертей наш мир превратился бы в жалкую дыру, и это единственно важно. Их смерть явилась необходимым злом.

А мы лучше других понимаем: необходимое зло суть истинное благо.

2

Джулия лежала в кровати, уставившись в потолок. Шел пятый час утра, в комнате было довольно холодно. Они вернулись домой, сменив на посту Эдну, и Брайан сразу же исчез из виду, прихватив бутылку виски. Каким-то чудом Джулии удалось на час забыться сном. Учитывая все произошедшее, это было максимумом, на что она могла надеяться. И вот теперь, перед рассветом, она лежала в постели, путаясь в лихорадочных мыслях и зная, что больше не заснет. Это было бы совершенно невозможно.

В доме было темно и тихо. Предрассветной мглой называл это время ее отец. Он работал кожевником и возвращался домой весь пропахший химикатами, использовавшимися при выделке шкур. Чем бы это ни было, гадость была редкостная: отравившая не только воду в реке, но и отцовское тело. Всего в шестьдесят с небольшим он умер от рака мозга. Болезнь развивалась стремительно. Через год после шестидесятилетия он вдруг по болезни не вышел на работу, один день, потом – еще и еще. Не вставал с кровати, голова болела так, что он не мог ни на чем сосредоточиться. Отец так и не встал. Опухоль выросла позади глазного яблока и как червь проточила ходы в его мозг.

Официально это было тем, что может случиться. Неофициально же... Джулия была уверена, что отца убили растворители и кислоты, с которыми он день-деньской имел дело, которые пятнали его кожу и проникали в легкие. После обязательной вечерней ванны, где он запирался с чашечкой чая и свежей «Дэйли миддл», даже после часовых ванн с ароматным мылом «Радокс», от него все равно тяжело и резко несло кожевенной фабрикой. Этот его ритуал бесил Джулию, когда она была подростком, особенно по пятничным вечерам, но на все жалобы мать лишь хмуро отвечала: «Оставь его в покое, солнышко, он много работает».

Он имел обыкновение лежать перед сном, распространяя по комнате этот запах, и рассказывать ей сказки, которые сочинял за рабочий день. Чаще всего они начинались словами: «В предрассветной мгле...» Много лет Джулию ужасно занимало, на что похожа эта самая «предрассветная мгла» и какие волшебные вещи можно увидеть, если тебе удастся встать в самую глухую ночь... Но когда Джулия открывала глаза, в окна уже лился дневной свет, и она понимала, что опять проспала все интересное.

И вот она без сна лежала, вслушиваясь в скрипы и шорохи. Это были всего лишь звуки, которые издает старый дом, однако так легко поверить, что слышишь топот ножек маленького волшебного народца. Джулия припомнила, как однажды в детстве, услышав скрип ступенек, закричала родителям:

– Что там скрипит? Я боюсь.

Отец поднялся к ней в комнату, принес с собой запах дешевого пива, смешанный с кислой вонью шкур.

– Не бойся, дочка. Дома ведь тоже живые. Они, словно люди, ворочаются перед тем, как уснуть. Это просто скрипят старые косточки нашего пристанища. Дом желает тебе спокойной ночи, малышка.

Он умер, когда Анна уже родилась. Что ж, по крайней мере, она успела увидаться с дедушкой, хотя и не помнила этого. Он обожал внуку, с удовольствием возился с ней, и ему не надоедали ни бесконечные смены подгузников, ни пролитые на пол каши, ни бесконечная игра в «коняшку» на его коленке.

Как бы Джулии хотелось, чтобы отец был сейчас здесь. То есть ей, конечно, не хотелось, чтобы он тоже страдал от произошедшего, но с ним было бы легче. Джулия скучала по нему. Она очень-очень скучала. Мама тоже скучала, но иначе. Мать была еще жива и несла свой крест, в каком-то смысле даже худший, чем у отца. Болезнь Альцгеймера съела весь ее разум, поглотила память, превратив ее из личности в снулого, бессмысленного моллюска. За ней нужен был постоянный присмотр, и она жила в пансионате по соседству. Джулия регулярно ее навещала, но это было тяжело. Мать все реже понимала, что держит за руку собственную дочь.

Родители оба оставили Джулию, и точно так же поступал теперь Брайан. Значит, ей придется справляться со всем одной.

Джулия нащупала у изголовья сотовый. Вдруг каким-то невыносимым образом она умудрилась проспать звонок Уинн?

Вытянув руку, включила бра над своей стороной кровати.

На комодe осветилась рамка с тремя фотографиями. Эту рамку Джулии подарила на Рождество Анна, и они вместе целый час пересматривали альбомы, выбирая подходящие. На всех трех была Анна: новорожденный младенец, малышка на руках у Эдны, сидящей на диване в их старом доме, и, наконец, вместе с Брайаном и Джулией у синих дверей яслей.

Боже, до чего ужасно было оставить там ее в первый раз! Джулия словно утратила чего-то, сделалась неполноценной, лишилась части самой себя. На работе она тогда проплакала целый день. Кое-как дотянула до обеда, а затем, сказавшись больной, понеслась в ясли. Лишь обняв и поцеловав Анну, вдохнув ее запах, она вновь стала собой. И тогда же поклялась, что никогда не покинет свою дочь.

Но на следующий же день сделала это. Потом на другой день и на третий. В конце концов Джулия привыкла к этим расставаниям, хотя никогда не прекращала скучать по Анне.

Она внимательно посмотрела на фото. Оно было сделано в тот самый первый день. Анне едва исполнилось три месяца. Заплаканная Джулия, державшая дочку на руках, выглядела потерянной и уставшей. Она крепко прижимала Анну к груди. С самого рождения дочери она практически ни на минуту с ней не расставалась и вот впервые собиралась передать в чужие руки.

Даже по фотографии было заметно, как они с Брайаном любили тогда друг друга. Они нежно обнимались, вернее, Брайан обнимал жену за плечи. В объектив он не смотрел, не сводя глаз с лица Джулии, ясно читалась его забота и желание защитить. Но больше всего – любовь. Фотография идеального мужчины, обожающего жену и дочку.

Выйдя из яслей, они еще долго обнимались. Джулии стало даже смешно, что она так хорошо все это помнит. Например, запах его костюма. Какой-то странно затхлый, но отнюдь

не неприятный. Брайан как раз поступил на работу в начальную школу и носил костюм, купленный в благотворительном магазине, а хлопоты молодого отца не позволяли ему отдавать его в чистку.

Это был мужчина, собиравшийся провести остаток жизни с женой. Оглядываясь назад, Джулия понимала, что и сама не представляла для себя иного будущего.

Как все изменилось. Брайан сделался ее тяжким бременем, засевшим в соседней спальне.

Накинув халат, она вышла из комнаты. Две верхние ступеньки лестницы скрипели, Джулия привычно ступила на них с осторожностью, чтобы не разбудить Анну, просыпающуюся от малейшего шороха. Джулия не раз задавалась вопросом, не является ли причиной слишком чуткого сна дочери та суэта, которую они с Брайаном разводили вечно вокруг колыбели дочери. Во время «тихого часа» сначала следовало убедиться, что в комнате темно, температура воздуха – правильна, не говоря уже о том, что процедура укладывания довольно сложна: сперва укачивание по раз навсегда заведенной схеме, затем, когда Анна начинала засыпать, ее осторожно помещали в колыбельку, поглаживая, пока дыхание не успокаивалось и можно было надеяться, что дочь вдруг не проснется. После этого они передвигались по дому на цыпочках, чтобы, не дай бог, не разбудить ребенка.

Ничего странного, что сон у Анны столь чуток. Она могла спать только в идеальных условиях. Любой, кто жалуется на бессонницу, уснул бы, как кошка на теплой крыше, если бы его полчаса укачивали, а затем сделали бы легонький массаж. Если бы у них с Брайаном родился второй ребенок, они относились бы ко всему куда спокойней. Уже знали бы, что да как. Впрочем, у них и времени бы не было повторить все так, как происходило с Анной. Правда, второго ребенка все равно нет. Выкидыш, а затем – внематочная беременность не оставили Джулии надежд. Она сделалась бесплодной, как однажды выразилась Эдна.

Бесплодная. На редкость выразительное слово, которое Джулия возненавидела. Именно такие слова предпочитала использовать Эдна. Мол, именно так говорили во времена ее молодости, и откуда ей было знать, что невестка обидится? Однако Джулия ей не верила. Эдна прекрасно понимала, что делает. Всегда понимала.

Долгое время она горевала о невозможности иметь других детей, но когда поняла, что любви к Брайану больше нет, вздохнула с облегчением. Во-первых, развестись, имея всего одного ребенка, проще. Во-вторых, она всегда опасалась, что не сможет любить второе дитя так же сильно, как Анну. Потому что это невозможно. Они с Анной были не просто матерью и дочерью, но лучшими подругами. Джулия сознавала, что так будет не всегда и вряд ли продлится долго, но пока она обожала ходить с Анной в кино, за покупками или в кафе. На Рождество утром они отправились смотреть «Щелкунчика». Анна сидела с открытым ртом, словно зачарованная. Джулия тоже почувствовала действие магии театра, превносящей драматизм в обыденную жизнь, чего прежде с ней никогда не случалось. Потом Анна часто спрашивала, когда вновь наступит Рождество и они поедут в театр.

В общем, ее любовь к Анне была всепоглощающей, так что хорошо, что у нее только один ребенок.

Один, который пропал.

Джулия сама себе в этом не признавалась, какая-то часть ее души была совершенно уверена, что Анна именно пропала. Разумеется, она еще надеялась, что дочь скоро найдут. У нее просто не было иного выхода. Без этой надежды она наверняка слетела бы уже с катушек. Но, сколько она ни отгоняла страшные мысли, страх никогда больше не увидать дочь не

уходил.

Она может никогда не встретиться с первым мальчиком Анны (который ей, конечно же, не понравится). Не быть свидетельницей ее первой влюбленности, не побывать на выпускном балу дочери и на ее свадьбе. Никогда не стать бабушкой. На карте стояло будущее не только Анны, но и Джулии с Брайаном.

Прежде чем улечься в одинокую постель под звуки шагов Брайана, мотающегося от кухонного стола к бару, Джулия загуглила: «Пропавшие дети». Зря она это сделала, как зря разыскивают в Интернете симптомы болезней. У вас насморк? Никакая это не простуда, это – мозговая жидкость сочится из носа. Постоянная усталость? Это вовсе не потому, что вы – молодая мама с младенцем на руках, на самом деле ваше тело пожирает редкий вирус, исподволь лишая его сил. Запор? Рак кишечника. Разница была лишь в том, что подобные диагнозы наверняка ошибочны. Утром врач скажет вам, что волноваться не о чем, и отправит восвояси.

Но когда дело касается пропавших детей, факты (или по крайней мере схемы развития событий) совершенно однозначны.

Пятилетние дети или находятся в течение нескольких первых часов, или не находятся никогда.

Исключения, разумеется, бывали (что и питало надежду Джулии: пожалуйста, ну, пожалуйста, пусть Анна окажется таким исключением!). Но по большей части пятилетних детей находили совсем скоро – в доме у друзей, или у бдительных взрослых, заметивших на улице неприкаянного малыша, или же они пропадали с концами.

Джулия просмотрела кучу статей о полицейских расследованиях; прочитала о злодеях, похищавших девочек, и причинах, по которым они это делали; о бандах, ворующих детей и продающих их в рабство или богатеям, не способным иметь собственных. О маньяках-одиночках, годами прячущих похищенных детей, пока те не вырастут и не потеряют свою привлекательность, после чего их убивают. Почитала о шайках педофилов, крадущих детей и меняющихся ими друг с другом, снимающих изнасилования на видео, а затем выбрасывающих изуродованные тела на свалках «третьего мира».

Начитавшись всего этого, Джулия ринулась в ванную, где ее тошнило до тех пор, пока внутри не осталось ничего, кроме желчи и слюны. Забавно, что на сильные эмоции человеческий организм реагирует опустошением желудка. Отчего так, Джулия не знала. На ее взгляд, логичнее было бы сохранить пищу как источник энергии для продолжения борьбы.

Впрочем, голода она не испытывала. При одной мысли о еде мутило, и Джулия сомневалась, что когда-нибудь станет иначе. Она уже спустилась с лестницы, когда наверху послышался скрип. На какой-то миг промелькнула мысль, что это проснулась Анна и сейчас потребует свою утреннюю порцию обнимашек. Ей вдруг стало хорошо, на душе посветлело... Но стоило оглянуться, и неумолимая реальность навалилась на нее.

Это был всего лишь Брайан. Глаза красные, лицо небрито. Он был одним из тех мужчин, у которых борода растет очень быстро. Если они вечерами куда-то собирались, ему приходилось бриться второй раз. Поначалу ей это даже нравилось. Эдакая мужественность, что ли. Изюминка, присущая любимому. Теперь Джулия находила это отталкивающим. Как и многое другое: все его физические несовершенства, запахи, прыщики и дряблые мускулы.

– Брайан, – позвала она.

Тот не ответил. После возвращения они едва ли перемолвились словечком. Поэтому, наверное, Джулия и вбила в поисковую строку «пропавшие дети»: от одиночества она не

справились с собой.

Брайан с поникшими плечами прошаркал мимо нее на кухню. Включил чайник, опустил в чашку пакетик с чаем. Когда вода закипела, наполнил чашку, плеснул молока, пролив немного на столешницу. Его руки дрожала. Ночью он много выпил – достаточно, чтобы отключиться, но, видимо, недостаточно, чтобы так и остаться в отключке.

– Брайан, – вновь повторила Джулия, – мы должны поговорить.

– Кому должны? – Он посмотрел на нее поверх чашки. Голос был сиплым, надтреснутым.

– Себе самим. У нас дочь пропала.

– Потому что ты вовремя не забрала ее? Ты опоздала, вот она и пропала.

Джулия, как всегда, собралась было оправдываться. Такими были теперь их отношения: они предъявляли взаимные претензии, а потом ругались. Кто прав, кто виноват, было уже не важно. Главное – не дать слабину: стоять на своем и ни шагу назад. Иногда Джулия чувствовала себя каким-то Томом Петти, распеваящим «Я не отступлю!».

Вот только не в этот раз. Что она могла сказать? Мол, я не виновата? Но она была именно что виновата, хотя бы отчасти, чего вполне достаточно. Может быть, у нее имелись оправдания. Скажем, ей не повезло. Действительно, она могла опаздывать хоть тысячу раз и всегда находила Анну в школе, где та сидела с миссис Джейкобсен, грызла печенье и рассказывала пожилой учительнице, куда она любит ходить по выходным. Все это было так, но одна-единственная истина в корне меняла ситуацию: если бы Джулия приехала вовремя, дочь спала бы сейчас в своей кроватке.

Так что Брайан совершенно прав. Может быть, жесток, но прав. Скорее всего, если бы их брак оказался счастливым, ну, по крайней мере не находился на грани развода, муж как-то поддержал бы ее, постарался, чтобы она чувствовала себя получше. Она же сама заявила, что не желает видеть его рядом с собой, чем лишила себя права на его поддержку.

Джулия протянула руку к крючку на стене за ключами от машины, с трудом их нащупала. Вытерла слезы, застилавшие глаза.

– Я поехала, – только и сказала она.

Брайан опять промолчал. Он смотрел в окно, облокотившись о кухонную стойку, и потягивал обжигающий чай.

Все вокруг напоминало об Анне.

Ее детское креслице отражалось в зеркале заднего вида. Летняя курточка валялась на полу. На заднем сиденье рассыпаны были крошки печенья.

Брайан вечно ворчал из-за того, что Джулия позволяет Анне устраивать бардак в машине.

«Какая теперь разница? – думала она. – Что нам сейчас за дело до крошек, разбросанных игрушек или нежелания идти спать? Мы слишком беспокоились из-за ничтожных пустяков, а важное от нас ускользнуло».

Джулия повернула ключ зажигания, включился проигрыватель компакт-дисков. Зазвучали детские песенки. Она заслушалась, откинувшись на сиденье.

Ушки мокнут под дождем, Как пустые фантики? Завяжи их узелком! Завяжи их

бантиком!

Эта песенка почему-то особенно нравилась Анне, она даже придумала особенный танец: следовало покачиваться с ноги на ногу, делая вид, что тянешь за длинные заячьи уши и завязываешь их бантиком.

Джулия выехала на улицу. В соседнем доме горел свет, шторы в окне второго этажа шевельнулись. Миссис Мэдиган. Крепкая старушенция за девяносто, имевшая собственное мнение по каждому вопросу и воображавшая, что в силу почтенного возраста (как же, ведь возраст и мудрость – это одно и то же) все обязаны ее слушаться. Она славилась «крутым нравом» и «волевым характером», причем окружающие почему-то считали, что под грубой оболочкой скрывается золотое сердце, и полагали, что иметь миссис Мэдиган в соседках – это «очень интересно», «весело» или даже «прикольно». Джулия никому не объясняла, что происходит на самом деле. Потому что на самом деле это была мука мученическая. Узнав миссис Мэдиган поближе, вы понимали, что за упрямством и сварливостью скрывается отнюдь не милосердный божий одуванчик, а желчная злюка. Ей не нравилось, когда Анна поднимала шум в саду, в таких случаях она сразу же принималась орать на девочку из-за своего забора, а потом еще высказывала недовольство Джулии с Брайаном по поводу «хулиганящего ребенка». При всем этом она частенько просила Брайана починить что-нибудь в доме, а затем начинала браниться, заявляя, что он все испортил, и напоказ обращалась к «настоящим специалистам», которые переделывали работу. Кроме того, миссис Мэдиган непрерывно донимала Джулию жалобами на своих детей, многочисленных внуков и еще более многочисленных правнуков, утверждая, что все они – эгоистичные лодыри, позабывшие несчастную старушку.

Джулия «лодырей» не винила. Если бы могла, она поступала бы в точности так же.

Другие соседи, бездетная пара примерно под пятьдесят, были куда приятнее. Она с ними практически не пересекалась, а это, по мнению Джулии, являлось ключом к истинно добрососедским отношениям. Как говорится, крепче заборы – лучше соседи.

Джулия не имела понятия, куда отправиться. В итоге дорога привела ее к детской площадке. Довольно невзрачное местечко: несколько качелей, горка да примитивная карусель, разбросанные на газоне. Они с Анной много раз заглядывали сюда на часок. Конечно, полиция уже все здесь осмотрела, но вдруг с тех пор дочь как-нибудь сюда забрела?

Вдруг, говоришь? Ага, как бы не так.

Включив фары на полную мощность, Джулия медленно ехала по улицам, пытаясь разглядеть малейший намек на свою дочь.

Добравшись до парка, выключила мотор. Фары потухли. Она испытала облегчение, поняв, насколько эти желтые прожекторы нервировали ее. Они показывали лишь малую часть окружающего пространства, демонстрируя Джулии всю тщетность ее поисков. Анна могла быть где угодно, тогда как Джулия способна была видеть только перед собой. Ей вспомнился разговор с одной из своих подруг, Крисси. Крисси – уменьшительное от Лукреции – школьное прозвище, использовавшееся лишь самыми близкими друзьями, причем с известной долей иронии, поскольку, в отличие от римской матроны, добродетельностью Крисси отнюдь не блистала. В частности, завела интрижку с молодой учительницей по имени Сара, из-за чего последняя и потеряла работу. Тот их разговор состоялся около года назад, когда всего в нескольких шагах от дома Крисси в пыльном городишке американского Среднего Запада обнаружили девочку-подростка, проведенную в подвале десять лет. Крисси тогда заявила, что если ее сын, ровесник Анны, пропадет, то ему

подобная участь не грозит, ибо она, его мать, перевернет вверх дном каждый дом в округе, не спрашивая позволения ни у хозяев, ни у полиции. Джулия ее горячо поддержала, заверив, что сама поступит аналогично. Болтать, пылая праведным гневом, и порицать американку, мать той девочки, было легко. Почему, мол, она не разворошила все вокруг? Значит, плохая мать.

Потому что хорошая мать нашла бы и вызволила свое дитя.

Между тем все оказалось сложнее, чем воображали они тогда с Крисси. Во-первых, домов было огромное количество, а во-вторых, их обитатели и полиция имели слишком много всякого против тех, кто вторгается в жилища без спроса.

Но, по крайней мере, что-то Джулия делала.

– Анна, – позвала она. – Анна!

Фонарика у нее не было, и, прочесывая парк, она светила айфоном. Ни на качелях, ни на горке в форме динозавра никого не было.

– Анна! – закричала опять Джулия. – Анна!

– Что за Анна? – спросил кто-то из темноты. Говорили невнятно, поэтому вопрос прозвучал скорее как: «Чоз Анн?»

Джулия подпрыгнула от неожиданности и направила свет туда, откуда донесся голос. На карусели сидели двое парней. Какого черта они околачивались здесь ни свет ни заря? Один держал в руке бутылку. Отхлебнул, передал выпивку другу, закурил.

Джулия принялась. Тянуло травкой.

– Анна – моя дочь, – ответила она.

– Хорошенькая? – поинтересовался парень с косячком.

– Очень, – ответила Джулия и тут же поправилась: – То есть нет, не в том смысле. Ей всего пять лет.

– Ты и сама красотка, – не унимался парень. – И тебе вроде не пять. Отсосешь у меня?

– А? – не поняла сначала Джулия. – Еще чего!

– Че ж тогда шляешься тут в такую рань? – проворчал тот. – Сюда за другим не приходят.

Насколько знала Джулия, сюда приходили, чтобы кататься на качелях со своими детьми, но, видимо, ее сведения были неточны. Когда Анна найдется, они сюда больше ни ногой.

Второй парень, до тех пор молчавший, поднялся. Он оказался старше, чем думала Джулия, наверное, лет девятнадцати. Высокий, тощий, с рябым от плохо залеченных в детстве прыщей лицом. Шмыгнув носом, он смачно харкнул на карусель.

Нет, они с Анной точно сюда больше не придут.

– Давай, – сказал рябой. – Иди ко мне, – он схватился за ширинку, выпятив пах, и кивнул в сторону кустов. – У меня есть кое-что для тебя. Ручаюсь, это то, что тебе нужно. То, чего не получишь от своего старого пердуна, поняла? Я уже имел дело с телками вроде тебя, вы не настолько дряхлые, чтобы воротить нос, ваши дырки тоже требуется изредка прочищать.

Голос был каким-то тусклым, невыразительным. Говоря все это, он не сводил глаз с Джулии, на его лице застыла ухмылка, словно он смотрел на что-то, вызывающее легкое отвращение.

Вдруг парень решительно шагнул вперед.

– Ну, давай, давай, – бубнил он, – увидишь, стоит нам начать, тебя потом за уши не оттащишь.

Джулия представила Анну, бродящую по парку, среди таких вот рябых парней, их приятелей и тому подобной публики.

Если дочь угодила в их мир, шансов выбраться у нее было немного.

Джулия бросилась обратно к машине. К счастью, она оставила ее незапертой. Юркнув внутрь, захлопнула и заблокировала дверцу, потом полезла в сумочку за ключами.

Ключей не было.

Зажгла свет в салоне, принялась искать. Обшарила карманы пальто, джинсов. Ничего.

Снаружи постучали. С стекла прижималось лицо Рябого. Он водил языком из стороны в сторону, вульгарно имитируя оральный секс.

– Так-так, – едва слышно донесся его голос. – Похоже, у нас маленькая проблема.

4

Рябой немного отстранился. На стекле, там, где к нему прижимались его губы, осталось пятно.

– Не их ищешь? – он помотал ключами Джулии. – Обронила?

– Отдай, – сказала Джулия.

– Открой дверь и возьми.

– Хорошо, я звоню в полицию, – она схватилась за сотовый.

– А я ничего плохого не делаю, – пожал плечами парень.

Джулия, не сводя глаз с его лица, набрала 999. Она подозревала, что стоит поднести телефон к уху, Рябой сразу же сбежит, но ей уже было без разницы. Только бы полиция приехала. Все равно выйти из машины она никогда бы не решилась.

Парень перебирал ключи. Выбрав один, от йельского замка, сжал его в пальцах и принялся звенеть связкой в воздухе.

– Этот от твоей хаты, да? – спросил он, снял ключ с кольца, положил в карман, а остальные забросил в кусты. – Может, как-нибудь навещу тебя.

– Алло! – произнесла Джулия, услышав ответ оператора. – Полицию, пожалуйста.

Рябой растворился в темноте. Она услышала гогот обоих парней, выбегающих из парковых ворот.

Когда в трубке раздался голос полицейского, Джулия уже дрожала так сильно, что телефон чуть не выскользнул из ладони.

– Помогите, – пробормотала она. – Я в парке Королевы Марии.

Один из полицейских отыскал ключ от дома неподалеку от карусели и вернул Джулии. Прикоснуться к нему ей не хотелось. Он казался ей грязным.

– Вернее всего, они просто хотели вас поугадать, – предположил полицейский. – Они все такие, только языком треплют, – он вытащил блокнот. – Можете дать их приметы?

Перед глазами Джулии возникла картинка, которую она вряд ли сможет быстро забыть: ухмыляющееся рябое лицо, прижимающееся к стеклу. Она описала его полицейскому.

– Напоминает Бобби Майлера, – сказал тот. – Его штучки.

– Вы его знаете? – поинтересовалась Джулия.

– Да, он, как мы говорим, состоит у нас на учете. Иными словами, наглый щенок, с самых пеленок влипающий в передряги.

– Вы его арестуете?

– Рад бы, а за что? – поджал губы полицейский. – Он, положим, вел себя как говнюк, но вас ведь не тронул. А ключи вы сами потеряли.

– То есть ему ничего не будет?

– Боюсь, что так, мэ. Прошу прощения. Хотел бы я, чтоб было по-другому, на самом деле хотел бы, – полицейский не спешил прятать блокнот. – Чисто для протокола, как ваше имя?

– Джулия Краун.

– А что вас привело в парк в такой час?

– Я дочь ищу.

Его рука замерла, недописав слово. Полицейский поднял глаза.

– Так это ваша дочь? Маленькая потерявшаяся девочка?

– Да. Я не могла уснуть.

– Ну, конечно, – покивал тот. – Ее сейчас разыскивают множество народу. Мы обязательно найдем вашу дочку, миссис Краун.

Он старался, чтобы голос звучал убедительно, и Джулия подумала, что в подобных делах опыта ему не занимать. Вот только она ему не поверила. Потому что когда он услышал ее имя, последовала пауза перед всеми этими оптимистическими заверениями. Всего только секундная заминка, тень, промелькнувшая на его лице, в которой Джулия узнала самое страшное для матери, оказавшейся в подобной ситуации: жалость.

«Так это ты та самая женщина, которой уготовлен ад, – говорило его лицо. – Да поможет тебе милосердный Господь».

Жалость тут же сменилась тщательно отработанной уверенностью, но Джулия ее заметила. Она уже с ней сталкивалась, поэтому знала, что замечать. Когда она в первый раз забеременела, они с Брайаном отправились на УЗИ к гинекологу. Еще неопытная в делах такого рода, Джулия страшно нервничала и хотела пройти процедуру как можно скорее. В итоге они поехали к врачу на одиннадцатой неделе.

– Ну, что же, – неторопливо произнесла гинеколог, женщина лет пятидесяти, от которой немного пахло сигаретным дымом. – Ребенок должен родиться третьего февраля.

– Нет-нет, – запротестовала Джулия. – Я забеременела двадцать четвертого апреля. В тот день у меня была овуляция.

– Развитие эмбриона в первые двенадцать недель подчиняется определенной закономерности, – объяснила врач, – и по его размеру мы можем довольно точно судить о возрасте. А следовательно, предсказать дату рождения. Скорее всего, вы забеременели в другой день. Это может случиться в любой день цикла. Чуть менее вероятно, но отнюдь не исключено.

Врач ошибалась. Джулия совершенно точно знала возраст своего ребенка. Они с Брайаном пытались уже около года, Джулия отслеживала овуляции и записывала, когда у них был секс. А в тот месяц, как раз после овуляции, она находилась в недельной командировке, поэтому ошибиться не могла.

Она тут же выложила все это врачу, и профессиональная маска на лице гинекологини на миг сменилась озадаченной тревогой, означавшей одно: что-то шло не так.

– Давайте все же настраиваться на третье февраля, а если роды начнутся раньше, так тому и быть, – сказала врач.

С того самого момента Джулию не покидало неприятное предчувствие. Две недели спустя у нее произошел выкидыш.

И вот теперь это неприятное предчувствие вернулось.

Когда Джулия добралась до дома, в окнах горел свет. На подъездной дорожке стояла красная «Тойота Матрикс». Что означало: визит им нанесла профессор Эдна Краун – выдающийся кардиолог (в отставке), выпускница Сент-Хью и Оксфорда, самопровозглашенный матриарх, иначе говоря – заноза в заднице.

Эдна никогда не признавалась, возможно, даже самой себе, что сын ее разочаровал. Свекровь считала себя столпом английского общества, если не гордостью, всей человеческой расы (поскольку, как всем известно, Англия – величайшая страна на планете). Причем Эдна и люди, ей подобные, – эталон стиля и здравого смысла и превосходят всех остальных интеллектом. Они знают куда больше других о... ну, в общем, обо всем на свете. О чем бы ни зашла речь, о государственной ли политике, о тонкостях юридических казусов или о вопросах морали, – голос Эдны был решающим.

То же относилось и к воспитанию ребенка, тем более если этот ребенок – ее внучка. Эдна в упор не желала видеть различий между правами матери и бабушки. Она претендовала на Анну не меньше, чем Джулия, то есть намного больше Брайана. Именно поэтому Анна училась в частной школе. Самой Джулии даже в голову ничего такого не приходило, пока Эдна не подняла данный вопрос на праздновании дня рождения внучки. Девочке тогда исполнилось три года.

– Пора подумать о школах, куда будет ходить Анна, – сказала Эдна, перед которой одиноко стояла тарелочка с нетронутым ломтиком липкого розового торта.

– В какую-нибудь из местных, – удивленно ответила Джулия, отметив про себя множественное число, которое употребила свекровь: школы.

– А что ты думаешь насчет частного образования? – Губы Эдны растянулись в фальшивой улыбке. – Это гораздо, гораздо эффективнее.

– Частная школа отдалит Анну от ее здешних друзей, – возразила Джулия.

– Тем лучше, – ответила Эдна. – И тем самым направит девочку по иному жизненному пути.

– Ну, не знаю... – протянула Джулия. – Мне нужно подумать.

– Но ты, надеюсь, согласна, что частное образование лучше государственного, не так ли? Во всех сферах деятельности высшие ступени заняты людьми, посещавшими в свое время хорошие школы и университеты.

– Частная – не значит хорошая, – заметила Джулия. – Я, например, ходила в обычную школу, но стала адвокатом.

– В мелком городишке. Нет, это замечательное достижение, но, насколько мне известно, ваша фирма не входит в пятерку ведущих. Понимаешь, о чем я?

– Разумеется, – кивнула Джулия, хотя больше всего на свете ей хотелось ударить Эдну. – В любом случае для нас это будет дороговато.

– Я оплачу, – быстро произнесла свекровь, словно только и ждала этих слов. – У моей внучки все должно быть самого лучшего качества.

Джулии пришлось смириться. Хорошие родители обязаны давать своим детям лучшее из того, что могут позволить, с этой логикой не поспоришь. Раз Эдна готова оплачивать частное образование, которое действительно является лучшим вариантом, Анну придется отправить в частную школу. Эдна устроила так, что стало выглядеть, будто отправить дочь куда-то еще –

злостное небрежение.

Джулии хотелось заметить, что никакое дорогое образование (иезуитская школа-интернат, Уорикский университет) не проложили Брайану дорогу в пресловутый «магический круг» лондонских стряпчих. Он вкалывал учителем начальной школы, что большинство их друзей считало совершенно замечательным, а Эдна – полнейшим жизненным фиаско. Она этого не говорила, но считала сына лишенным амбиций мямлей и собиралась сделать все, чтобы внучка не унаследовала пороки отца.

Потому что Анна – это все, что у нее теперь оставалось. Амели и Колин, дети Саймона с Лаурой, жили в Портленде, в штате Орегон, где выросла Лаура. Саймон был старше Брайана. Он уехал с семьей из Великобритании через год после исчезновения Джима Крауна. Он практически не общался с родственниками, если не считать его редких мейлов Брайану.

Это был еще один скелет в шкафу. Джулия, похоже, ни разу не слышала, чтобы Эдна произнесла имя Саймона. От мужа она знала, что свекровь не ладит с Лаурой, обвиняя невестку в том, что Саймон отдалился от матери. Видимо, именно это поражение и задевало Эдну сильнее всего: не столько уход сына, сколько то, что ей не удалось удержать его в своей орбите. Он покинул Эдну, оставив ее с Брайаном, Джулией и Анной.

При этом Эдне Джулия тоже не нравилась. Она считала, что Брайан женился неудачно. И это были отнюдь не ревнивые домыслы Джулии: Эдна сама ей все высказала в надежде расстроить намечающуюся свадьбу:

– Поверь, вы не будете счастливы. Ты думаешь, вы с ним близки? Это не так.

– Эдна, несмотря на различный бэкграунд, мы любим друг друга. Брайану вовсе не нужна девица с анамнезом, включающим частный колледж, безупречный английский и верховую езду, – ответила Джулия с подтекстом, означавшим: ему не нужна вторая ты, Эдна.

– Да, я бы действительно предпочла, чтобы он выбрал кого-то из таких, моя дорогая. Но сейчас я говорю не об этом. Не о том, что нужно Брайану, а о том, что требуется тебе. Учти, он тебе не подходит.

Тогда Джулия решила, что Эдна, сама нисколько не веря в свои слова, желает лишь оттолкнуть ее от Брайана. Теперь же она поняла правоту свекрови.

Эдна не понаслышке знала о поженившихся неподходящих парах. У Джулии просто в голове не укладывалось, как Эдна и Джим могли влюбиться. Он был мягким, внимательным, вообще обаятельным и симпатичным мужчиной, неудивительно, что в него втюрилась та молодая учительница. Когда они с Брайаном только познакомились, у Джулии самой возникали кое-какие фантазии в этом роде. Эдна же была сурова, резка и холодна. Они с Джимом не подходили друг другу. Так что понятно, почему он ее бросил.

Каким бы заботливым он ни был, отец из него вышел так себе. Джим всего себя отдавал работе в школе, где добился немалого успеха. Его обожали ученики, любили выпускники и большая часть персонала. Он славился бережным и непредвзятым отношением ко всем, кто оказывался в сфере его профессионального внимания, равно как и беззаветной преданностью их интересам. Джим Краун никогда не отворачивался от ученика, попавшего в беду, особенно талантливого, независимо от его материального положения. Он подключал все возможные способы, лишь бы помочь такому. Выбивал дополнительные фонды из органов образования, если видел ребенка, достойного места в его школе; побуждал бывших выпускников делать пожертвования, чтобы все его дети смогли поехать с классом в Марракеш, Киев или Ханой, – подобные путешествия он сделал краеугольным камнем

обширной школьной программы. Как говаривал Джим, он готовил детей к жизни, а не к сдаче экзаменов. Его не привлекали громкие слова, но он делал все, чтобы в его школе воплотилось во всей полноте современное стремление к «равенству возможностей». Взамен он требовал от учеников лишь осознать эти самые возможности. Те, кто не желал осознавать, его не интересовали.

Отвратительно, конечно, когда люди вроде Джима, посвятив себя служению обществу, не находят времени на собственных детей. Брайан говорил, что он знал своего только директора школы, но не своего отца.

Впрочем, все это – дело прошлого. У Джулии сейчас и без них хватало забот.

Она открыла дверцу машины. Ноги заледенели, желудок урчал от голода. Ей вдруг безумно захотелось сладкого чаю. На кухне сидели Эдна с Брайаном. Свекровь, глянув на вошедшую Джулию, воскликнула:

– Ну, наконец-то ты вернулась! Слава богу, а то мы уже начинали волноваться.

– Вернулась, – кивнула Джулия.

– Ладно, хватит ходить вокруг да около, – продолжила Эдна, всегда гордившаяся своим неумением ходить вокруг да около. – Прежде не все между нами было гладко, но теперь настал момент, когда вся семья сплотится. Если мы хотим, чтобы Анна вернулась к нам, мы должны преодолеть все противоречия.

Эдна встала и сжала руки Джулии. Пальцы свекрови были холодными, бледными, бескровными.

– Джулия, – проговорила она, – мы справимся!

Свекровь погладила ее по щеке, неловко и как-то неумело обняла. Джулия вздохнула с облегчением, когда та наконец разжала руки.

– Мы справимся, – повторила Эдна.

Ничего подобного от свекрови Джулия никак не ожидала. Та ни разу не обнимала ее со дня свадьбы. Да и тогда вряд ли можно было считать это объятиями. Так, не более чем жест приличия для гостей, если уж не для самой невестки. Впрочем, тогда Джулия была счастлива. Сейчас ей только свекрови не хватало, зудящей о том, какая она безответственная и скверная мать.

– Спасибо, Эдна, – ответила Джулия. – Я тебе очень благодарна.

– Звонили из полиции, – вставил Брайан. – На полдень назначена пресс-конференция.

– Так скоро? – удивилась Джулия. – Анна пропала только вчера!

– Поскольку дело не движется, полиция решила, что пресс-конференция привлечет внимание людей. Может быть, кто-то что-нибудь случайно заметил.

– Нам тоже надо будет туда идти? – спросила Джулия.

Брайан кивнул. Его лицо было напряженно, взгляд внимательных глаз – прямой, искренний. На миг она увидела в нем того мужчину, в которого когда-то влюбилась, того, кто стал отцом ее ребенка. Джулия шагнула к Брайану и накрыла его руку своей.

– Да, нам тоже придется там быть, – ответил он, высвобождаясь. – Они считают, что присутствие родителей возбудит общественный интерес.

«Возбудит общественный интерес».

Вот к чему она пришла. Стала матерью пропавшего ребенка, которой надлежит делать слезливые заявления прессе, давя на жалость. Просто бред какой-то. Джулия до сих пор не могла поверить, что это происходит наяву. Что сейчас она примет душ, переоденется и отправится туда, где будет много журналистов с телекамерами. Идти ужасно не хотелось. Ей

казалось, что именно это превратит случившееся в неопровержимый факт. В глубине души Джулия продолжала надеяться, что произошла какая-то ошибка и если взять да открыть дверь в комнату дочери, там обнаружится Анна, спокойно спящая в своей кроватке. И весь этот кошмар закончится. Вот чего ей хотелось, а не пресс-конференции.

Джулия закрыла глаза. Голова внезапно закружилась, подступила тошнота. Она отодвинула от себя чашку с чаем.

Нужно через это пройти. Если пресс-конференция вернет Анну, она туда пойдет, но пойдет не одна. Джулия достала телефон и позвонила единственному человеку, который мог ей помочь выдержать предстоящее испытание.

6

Инспектор Уинн примостилась на краешке кресла, Джулия – на диване.

– Заранее прошу меня извинить, миссис Краун, – говорила Уинн, – но этот разговор совершенно необходим. В подобных случаях мы обязаны побеседовать с родителями. Я отнюдь не намекаю на вашу ответственность в случившемся, однако мы должны проверить все версии.

– То есть я под подозрением? – спросила Джулия, едва на засмеявшись.

– Нет, но нам нужно снять ваши показания. Как и показания мистера Крауна, а также вашей свекрови. Всех, кто контактировал с Анной.

– Прекрасно, – ответила Джулия. – Начинайте.

– Подробно опишите, как прошел вчерашний день. Максимально подробно.

Собравшись с мыслями, Джулия приступила к рассказу: о затянувшейся встрече, о севшем телефоне, о том, как на всех парах неслась в школу. Уинн внимательно слушала, временами делая какие-то пометки в блокноте.

– Можете ли вы назвать ваш брак с мистером Крауном счастливым? – спросила инспектор.

– Пожалуй, нет, – покачала головой Джулия. – У нас имеются определенные проблемы.

– Какие именно?

– Между нами практически все кончено. Мы, как бы это сказать, отдалились друг от друга.

Губы Уинн напряглись.

– Это ваше обоюдное решение?

– Нет. Правильнее сказать, это мое решение.

– Понятно. – Уинн помолчала. – Как, по вашему мнению, это воспринял мистер Краун?

– Вы полагаете, что за исчезновением Анны стоит Брайан? – Джулия откинулась на спинку дивана и поморщилась. – Он был на работе.

– Нет, я этого не говорила, – ответила Уинн. – Я просто задала вопрос. – Она с треском захлопнула свой блокнот. – На этом у меня все. Благодарю вас, миссис Краун.

Выйдя из гостиной, Джулия прошла мимо Брайана.

– Твоя очередь, – сказала она ему.

Полчаса спустя на диван рядом с Джулией плюхнулась Джилл. Рыжеволосая уроженка Ливерпуля, с улыбкой, не покидающей губ, и особенной, нервической энергией, заражавшей окружающих.

– Все будет хорошо, – заявила она. – Ты справишься!

– Случившееся сразу же станет реальностью, понимаешь? – сказала Джулия. – Мы вдруг сделаемся одними из тех родителей, выступающих по телевизору на пресс-конференциях. А я никак не могу взять себя в руки, Джилл, мне даже думать об всем этом не хочется. Я или впадаю в проstration, или принимаюсь размышлять об Анне, где она, с кем...

Ее голос затих. Наступил тот краткий миг, когда ей удавалось отвлечься настолько, что в голове наступала какая-то пустота. Затем паника возвращалась. Джулии казалось, что она стоит на берегу штормящего океана, пытаясь отбиться от накатывающих волн. И у нее ничего не выходит: волны набегают одна за другой, захлестывая с головой. Все, что она может, – это постараться не захлебнуться.

– Ты справишься, – повторила Джилл. – Ты должна. Я сама пойду с тобой и помогу.

Если кто и мог ей помочь, так только Джилл. Она была из тех, кто верит в свои безграничные силы и по их вере им воздается. Джулия познакомилась с ней на курсах послеродовой йоги. Для самой Джулии занятия были лишь средством сбросить набранный за период беременности вес, тогда как для Джилл – способом быстро вернуть форму и возобновить фитнес и бег на марафонские дистанции.

После окончания курсов Джилл уговорила Джулию тренироваться вместе. После первой совместной тренировки Джулия зареклась продолжать: спина отваливалась, лицо покрылось красными пятнами. После второй она вдруг подумала: «А почему бы и нет?» После третьей, если и не стала фанатом фитнеса, то, по крайней мере, у нее появился азарт выбираться в тренажерный зал два-три раза в неделю.

И действительно, фигура подтянулась, животик стал плоским, мышцы, бедра и руки приобрели рельеф. Затем работа и материнские обязанности взяли свое. Она начала выбираться на фитнес раз в неделю, потом – раз в месяц, пока окончательно не забросила.

В отличие от Джилл, разумеется. Для той спорт был образом жизни, тем, для чего у нее всегда находилось время. В ее сфере внимания были: работа (агентом по снабжению на производстве лампочек), двое сыновей-близнецов, фитнес и муж Тревор. И она все это успевала. Правда, ее задача облегчалась тем, что Тревор, триатлонист и сантехник, был идеальным мужем. Он следил, чтобы не реже раза в месяц они с Джилл ходили вдвоем в ресторан (это правило не нарушалось, даже когда близнецы были грудничками). Частенько между кормлениями выпроваживал Джилл за дверь, чтобы она по-быстрому сбегала в суши-бар. В дополнение к этим достоинствам, он, подавая прекрасный пример сыновьям, каждую пятницу дарил жене цветы и не позволял ей ни за что платить, когда они выходили вместе. Что было довольно смешно, поскольку Джилл зарабатывала не меньше Тревора, и счет в банке у них был общим. Короче, лучше мужа, чем Тревор, и захочешь – не найдешь. Он был, правда, немного старомоден, за что Джилл над ним подтрунивала, но вместе с тем – обаятелен и романтичен, за что она его обожала.

– Анна где-то там, – сказала ей Джулия. – Моя маленькая девочка потерялась в огромном мире. Даже не могу тебе передать, что я сейчас чувствую, думая о том, как она страдает.

– А я даже не могу этого представить, – ответила Джилл. – И не хочу. Она вернется, Джулия, ты только верь.

– Это ведь моя вина. Если бы я тогда не опоздала...

– Ты ни в чем не виновата, – перебила ее подруга. – Ни в чем! Это был сбой, дурацкая случайность. И потом, ты не знаешь, что бы могло случиться в противном случае. Мы все постоянно ошибаемся, Джулия.

– Не могу перестать об этом думать. В голове только и крутится: «Если бы...» Если бы я зарядила сотовый... Если бы ушла с работы пораньше... Может, ничего бы и не случилось? Ужасно жить с таким грузом на душе.

– И не говори, – покивала Джилл. – Но это не то же самое, что быть виноватой. Ты не в ответе за дела какого-то подонка, похитившего твою дочь. Все эти «если бы да кабы» существуют всегда, Джулия. Всегда-всегда. Но заруби себе на носу: твоей вины в случившемся нет, и точка.

Похоже, Джилл действительно в это верила. Одно плохо: Джулия не могла с ней согласиться.

– А теперь, – продолжила Джилл, – у тебя есть шанс уладить проблему. Давай-ка, начнем готовиться к твоей пресс-конференции.

В полицейском участке Джулию и Брайана встретила инспектор Уинн, провела к себе в кабинет и жестом предложила присесть.

– Кое-какие новости у меня есть, – сказала им она, – хотя их не так много.

Инспектор облокотилась на стол, сжав пальцы в замок. На столе ничего не было, ни единого листочка.

– Полицейские с собаками работали всю ночь. Сразу должна отметить, что собаки великолепно обучены, однако следов они не нашли.

– И что теперь? – спросил Брайан.

– Продолжаем поиски. Что-нибудь всегда может обнаружиться: обрывок одежды, туфелька, учебник. И еще... – она немного замаялась. – Утром мы задействовали команды водолазов, они обшаривают окрестные водоемы: каналы, пруды, реку.

Джулия почувствовала головокружение, перед глазами замелькали звездочки. Она моргнула, отгоняя видение маленького, покрытого тиной тельца, выуженного из илистого протока. Покачнувшись, она вцепилась в сиденье стула, чтобы не упасть.

– С вами все в порядке, миссис Краун? – поинтересовалась Уинн.

– Да, – ответила Джулия, покривив душой. – Мне просто нужно немного прийти в себя.

– Хотите чаю или кофе?

– Лучше кофе. С сахаром, если можно.

– Я вас понимаю, – сказала Уинн, вставая. – Мне очень жаль, мистер и миссис Краун, действительно жаль. Поверьте, мы делаем все, что можем.

Джулия верила. Оставалось только надеяться, что этого будет достаточно.

[Купить полную версию книги](#)